

Эксперт-криминалист

№ 4
2017

Федеральный научно-практический журнал

Издается с 2005 г.

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Учредитель: Издательская группа "Юрист"

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Per. ПИ № ФС77-52166 от 19 декабря 2012 г.

Периодичность – 4 номера в год

Главный редактор:

Комиссарова Я.В.

Редакционный совет:

Гришин П.Л., Ковалев А.В.,
Леканов Ю.И., Пинчук П.В.,
Рябов С.А., Смирнова С.А.,
Токарев П.И.,
Крайникова М. (Словакия),
Малевски Г. (Литва),
Шепитько В. (Украина)

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В.

Заместители главного редактора:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

Отдел работы с авторами:

avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Адрес редакции/издателя:

115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7
<http://www.lawinfo.ru>

Подписной индекс по каталогам:

«Роспечать» — 20625,
Каталог российской прессы — 12429,
«Объединенный каталог» — 91912

Подписаться можно также
на сайте: www.gazety.ru

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ.печл. — 5. Усл.печл. — 5.
Общий тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая,
д. 2. Тел. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Номер подписан 23.10.2017.
Номер вышел в свет 02.11.2017.

Опубликованные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

Вниманию наших авторов! Отдельные материалы журнала размещаются в электронной правовой системе «КонсультантПлюс». Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

- Бойко И.Б.** О понятии «телесное повреждение»..... 3
- Галяшина Е.И.** Квалификация судебного эксперта и право на производство судебных экспертиз..... 7
- Исютин-Федотков Д.В.** Об экспертной оценке в корпоративных закупках..... 12
- Кошманов П.М., Кошманов М.П., Комнатин В.Г.** Закономерности проявления в подписи индивидуума признаков его скорописного почерка как первоосновы оригинальности ее конструктивного строения..... 14
- Латышов И.В., Донцов Д.Ю.** Сравнительные характеристики следов близкого выстрела из пистолета Макарова на мишенях различной формы..... 22
- Назарова Т.В., Громова А.В.** Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации 26
- Олиндер Н.В., Гамбарова Е.А.** О результатах эксперимента «Поиск и восприятие информации о личности в сети Интернет и ее использование при расследовании преступлений»..... 29
- Сысоева Л.А.** Современные проблемы и пути экспертного решения вопроса о намеренном изменении подписи с маскировкой..... 32
- Фролова О.Е.** Оскорбление в речевой коммуникации 36

ИНТЕРВЬЮ

- Интервью с главным редактором федерального научно-практического журнала «Эксперт-криминалист» Я.В. Комиссаровой по итогам 52-го ежегодного семинара Американской ассоциации полиграфологов..... 39

Forensics analyst

№ 4
2017

Federal science-practice journal

Published from 2005

The journal is published together with O.E. Kutafin Moscow State Law University

Founder: Publishing Group "JURIST"

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE REG. PI № ФС77-52166 of 19.12.2012.

Published quarterly

Editor in Chief:

Komissarova Ya.V.

Editorial Board:

Grishin P.L., Kovalev A.V.,
Lekanov Yu.I., Pinchuk P.V.,
Ryabov S.A., Smirnova S.A.,
Tokarev P.I., Krajnikova M. (Slovakia),
Malevski G. (Lithuania),
Shepit'ko V. (Ukraine)

Editor in Chief of Publishing Group "JURIST":

Grib V.V.

Deputy Editors in Chief:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 — multichannel

Authors' Department:

avtor@lawinfo.ru
(495) 953-91-08

Editorial office / publisher:

**Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
Moscow, 115035
<http://www.lawinfo.ru>**

Subscription in Russia:
"ROSPECHAT" catalogue —
20625, "Russian Post" — 12429,
United catalogue — 91912
and also at www.gazety.ru.

Size 60x90/8. Offset printing. Printer's sheet — 5.
Conventional printed sheet — 5.
Circulation 1000 copies. Free market price.

Printed by "National Printing Group".
248031, Kaluga, settlement Severnij,
street Svetlaya, h. 2. Tel. (4842) 70-03-37
ISSN — 2072-442X

Passed for printing 23.10.2017.
Issue is printed 02.11.2017.

The articles express opinions of their authors which do not necessarily coincide with the viewpoint of the editorial office of the journal. All rights reserved. Complete or partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be subject to legal persecution.

Attention our authors! Certain materials of the journal shall be placed at legal system "ConsultantPlus". Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index **eLIBRARY.RU**

Included into the list of leading reviewed scientific journals and periodicals, where basic scientific results of doctoral and candidate theses shall be published.

CONTENTS

Boyko I.B. On Notion of "Bodily Harm"	3
Galyashina E.I. Forensic Expert Qualification and Right to Perform Forensic Examinations.....	7
Isyutin-Fedotkov D.V. On Expert Evaluation in Corporate Procurement.....	12
Koshmanov P.M., Koshmanov M.P., Komnatin V.G. Regularities of Rapid Handwriting Attribute Appearance in Person's Signature as Fundamental Principles of Original Character of Its Structure	14
Latyshov I.V., Dontsov D.Yu. Comparative Characteristics of Close Range Makarov Pistol Shot Traces on Targets of Various Shapes	22
Nazarova T.V., Gromova A.V. Peculiarities of Modern Linguistic Examination Performed in Forensic Subdivisions of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation.....	26
Olinder N.V., Gambarova E.A. On Results of Experiment "Search and Perception of Personal Information in the Internet and Its Usage at Crime Investigation"	29
Sysoeva L.A. Modern Problems and Expert Solutions of Intentionally Disguised Signature Issue	32
Frolova O.E. Insult in Oral Communication.....	36

INTERVIEW

Interview with Komissarova, Ya.V., Editor-in-Chief of the Forensic Expert federal scientific and practical journal, following the 52nd annual seminar of the American Polygraph Association.....	39
--	----

О понятии «телесное повреждение»*

Бойко Игорь Борисович,
профессор кафедры патологической анатомии
с курсом судебной медицины Рязанского государственного
медицинского университета имени академика И.П. Павлова
Министерства здравоохранения России,
доктор медицинских наук, профессор
olgaboiko.2012@mail.ru

В статье рассматривается понятие «телесное повреждение». Дано его новое определение, позволяющее обоснованно применять этот термин в судебно-экспертной и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: телесное повреждение, судебная медицина, законодательство, судебная экспертиза.

The article reviews the notion of "bodily harm". The author gives a new definition enabling justified application of this term in forensic and law enforcement activities.

Key words: bodily harm, forensic medicine, legislation, forensic examination.

Современную отечественную судебную медицину характеризует одна очень важная особенность — имеющаяся неопределенность в отношении наиболее значимых для судебной и следственной деятельности понятий. В первую очередь это касается такого понятия, как «телесное повреждение», конкурировать с которым в формировании предмета судебной медицины не способно ни одно явление или объект судебно-медицинского характера. Как известно, судебная медицина «родилась из потребности дать медико-юридическую оценку причиненным повреждениям»¹.

Настоящее обращение к указанной выше проблеме обусловлено следующими обстоятельствами.

1. В судебной медицине объем исследований, так или иначе вынуждающих специалиста оперировать понятием «телесное повреждение», исключительно велик. При этом данное понятие все еще используется без общепринятого своего определения.

2. Употребление понятия «телесное повреждение» в законодательстве обязывает к его адекватному представлению в правоприменительной деятельности. Рассматриваемое понятие не относится к числу правовых, а его включение в современное законодательство (гражданское, трудовое, уголовно-процессуальное) однозначно свидетельствует в пользу медицинской (судебно-медицинской) принадлежности.

3. Сегодня вместо понятия «телесное повреждение» нередко используется термин «вред здоровью» и наоборот, что недопустимо. В учебной литературе по судебной медицине даже нашли отражение попытки полной замены термина «телесное повреждение» на термин «вред здоровью»². Между тем подобная замена термина «телесное повреждение» на законодательном уровне и на практике не способна выдержать сколь-либо серьезную критику даже с позиций судебной медицины.

4. Телесное повреждение в нормативных правовых актах, регулирующих уголовно-правовые отношения, фигурирует как «вред здоровью», а в тех, что регулируют гражданско-правовые отношения, — как «повреждение здоровья».

5. Образовательная подготовка по судебной медицине вообще и по рассматриваемой проблеме в частности (особенно юристов) крайне недостаточна и настоятельно требует внесения определенных коррективов.

В статье рассматривается понятие «телесное повреждение» с точки зрения его определения и использования в судебной медицине.

До недавнего времени юристы связывали указанное понятие с неправомерными/противоправными действиями (умышленными и неосторожными), причиняющими вред здоровью, выразившимися в нарушении нормального функционирования тканей или органов человеческого тела³.

Иной взгляд на телесное повреждение был в судебной медицине — результат, последствия насильственных действий для здоровья и жизни потерпевшего⁴.

Мнение, согласно которому «определение телесного повреждения только с правовой или только с медицинской (судебно-медицинской) точки зрения неправомерно»⁵, на наш взгляд, нельзя признать: а) актуальным, поскольку оно имело отношение к периоду, когда в уголовном законодательстве фигурировал термин «телесные повреждения»; б) научным, основанным на знаниях из области медицины.

Телесное повреждение, с точки зрения А.В. Капустина, — это «противоправно умышленно или неосторожно причиненный вред здоровью, проявляющийся нарушениями либо анатомической целостности органов и тканей, либо физиологических функций всего организма или его отдельных органов и тканей, либо различными заболеваниями или осложнениями существовавших ранее заболеваний и обусловленный воздействием механических, физических, химических, биологических или психических факторов внешней среды»⁶.

Медико-правовой характер данного определения не позволяет относить «телесное повреждение» к категориям, соответствующим предметной области судебной медицины. Об этом свидетельствует первая часть приведенного определения, где говорится о вреде здоровью, причиненном «противоправно умышленно или неосторожно». К тому же из данного определения не ясно: в чью компетенцию входит выявление телесного повреждения?

Под телесным повреждением в судебной медицине В.В. Козлов понимает «вред здоровью в виде нарушения анатомической целостности или физиологической функции тканей или органов, причиненный в результате механических, физических, термических, электрических, лучевых, барометрических и химических воздействий»⁷.

* On Notion of "Bodily Harm"

Boiko Igor B., Professor of the Department of Anatomical Pathology with Forensic Medicine Course of the I.P. Pavlov Ryazan State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Doctor of Medicine, Professor

В.И. Чарный к телесным повреждениям относит «нарушение анатомической целостности или физиологических функций организма человека, причиненное каким-либо фактором внешней среды и повлекшее за собой ту или иную степень расстройства здоровья или смерть»⁸.

По мнению Ю.А. Неклюдова, телесное повреждение — не только «нарушение анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций, возникающее в результате воздействия различных факторов внешней среды, а также заболевание или патологическое состояние, возникшее под воздействием этих факторов (в том числе биологических и психических)»⁹.

Очевидно, что «телесное повреждение» является сложным понятием, охватывающим и нарушения целостности и/или физиологических функций, и заболевания, и патологические состояния.

В относительно недавнем прошлом к телесным повреждениям относили «нарушения анатомической целостности или физиологических функций тканей и органов человеческого тела, вызванные механическими, физическими, химическими, инфекционными факторами или психическими insultами»¹⁰.

Согласно Правилам судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 г. под телесными повреждениями рекомендовалось понимать «нарушение анатомической целостности органов и тканей или их физиологических функций»¹¹. Данное определение слишком упрощено и также неточно представляет понятие «телесное повреждение».

Что все-таки следует понимать под телесным повреждением? Ведь сегодня этот термин «уходит» из судебной медицины.

Например, авторы одного получившего определенное распространение учебника по судебной медицине для юридических вузов объясняют складывающуюся ситуацию тем, что в действующем УК РФ термин «телесные повреждения» заменен более широким понятием — «вред здоровью». Под вредом здоровья они понимают «нарушение анатомической целостности или функционального состояния тканей, органов или части тела, т.е. телесные повреждения либо заболевания или патологические состояния, вызванные воздействием (механическим, физическим, биологическим, химическим, психическим) и повлекшие за собой расстройство здоровья или смерть»¹².

Можно ли с этим пониманием согласиться и применять в судебной медицине термин «вред здоровью»?

Во-первых, термин «вред здоровью» — сугубо правовой. Судебная медицина — медицинская наука, и ее нельзя рассматривать одновременно в качестве медицинской и правовой. Все ее понятия, положения, явления соответствуют медицинским знаниям — сведениям, имеющим отношение к патологическим изменениям, возникающим у человека вследствие внешних неблагоприятных факторов. В медицине (судебной медицине) никогда не было и не может быть своего понятия «вред здоровью». Попытки обоснования его соответствия судебно-медицинской компетенции выглядят неудачно: все основные и характерные аспекты юридического понятия «вред здоровью» никак не вписываются в судебно-медицинские рамки. К тому же термин «вред здоровью» появился в законодательстве, затем в Правилах судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 г. и только потом уже в учебной и научно-практической литературе. А должно быть наоборот.

Во-вторых, понятие «вред здоровью» никак не может быть шире термина «телесное повреждение». Да и что означает слово «шире» применительно к различным по происхождению и принадлежности терминам? Разве вред здоровью имеет отношение к не противоправным деяниям, последствия которых оцениваются благодаря возможностям судебной медицины?

Из текста действующих Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утверж-

денных в 2007 г., следует, что понятие «вред здоровью» практически идентично тому понятию «телесное повреждение», которое приводится в литературе и которому дан критический анализ в настоящей статье¹³.

В-третьих, термин «вред здоровью» применим только по отношению к живым лицам (пострадавшим).

В-четвертых, вред здоровью — это всегда последствия насильственных действий (умышленных или по неосторожности), которые были направлены на другого человека, тогда как телесное повреждение может быть результатом действий, связанных с причинением вреда своему собственному здоровью.

В-пятых, понятие «вред здоровью» включает в себя категорию «психическое расстройство», тогда как телесное повреждение данный вид патологии не охватывает.

В-шестых, рассматриваемые понятия на практике характеризуются различными судебно-медицинскими критериями определения. Для вреда здоровью — это опасность для жизни, последствия полученных расстройств здоровья, а для телесного повреждения — анатомические и/или функциональные расстройства.

По итогам анализа литературы и законодательства предлагаем собственное определение понятия «телесное повреждение»: всякое нарушение анатомической целостности и/или физиологических функций организма человека, наступившее от внешнего неблагоприятного (насильственного) воздействия и имеющее юридическое (правовое, следственное, судебное) значение. Телесное повреждение — это насильственно наступившие изменения человеческого организма, в установлении и оценке которых заинтересованы суд и следствие в силу своей профессиональной деятельности.

Данное определение телесного повреждения в полной мере соответствует всем тем характеристикам, которые были сформулированы В.В. Козловым еще в 1969 г.: «Оно должно быть свободно от юридических признаков, установление которых не входит в компетенцию судебно-медицинской экспертизы, и в то же время характеризоваться такими признаками, которые, не противореча медицинским понятиям и представлениям, находились бы в соответствии с требованиями закона и правовой практики»¹⁴.

Таким образом, к телесному повреждению следует относить только морфологические и/или функциональные изменения человеческого организма, имеющие юридическую значимость (представляющие профессиональный юридический интерес по отношению к судебной и следственной деятельности). Структурные и/или функциональные изменения, возникшие у человека насильственно (под воздействием внешних неблагоприятных факторов) и не вошедшие в круг профессиональных интересов со стороны юристов, телесными повреждениями не являются.

Телесное повреждение — судебно-медицинская (и только!) категория. В других медицинских науках, в том числе в достаточно близкой к судебной медицине судебной психиатрии, этого понятия нет. Оно имеет отношение к телу — физической или соматической составляющей человека, т.е. ко всем разрушениям/расстройствам человеческого организма, не приведшим к нарушениям со стороны психики. Данный судебно-медицинский термин к нарушениям со стороны психической сферы прямого отношения не имеет.

В судебной медицине понятие «телесное повреждение» является базовым, так как напрямую касается двух основных объектов экспертного исследования — живых лиц и трупов. Причем если в отношении первого объекта оно охватывает как морфологические, так и функциональные расстройства, то в отношении второго указывает лишь на структурные изменения.

Наряду с понятием «телесное повреждение» сегодня в судебной медицине встречаются и другие термины — «повреждение», «травма», «заболевание», «патологическое

состояние», «вред здоровью», «повреждение здоровья», не являющиеся тождественными.

Под «повреждением» в «общебиологическом (общемедицинском) отношении» понимают любое нарушение целостности структуры и расстройства функции организма под воздействием различных внешних и внутренних факторов¹⁵. Применительно к судебной медицине речь идет о нарушении анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей, возникающем в результате воздействия одного или нескольких факторов внешней среды¹⁶.

Судебно-медицинский подход к определению понятия «повреждение» отличается от общебиологического только одним — исключением влияния на его происхождение внутренних факторов. К тому же в нем ничего нет «судебного». Подобное понимание повреждения вполне подходит и для не судебно-экспертной медицинской деятельности, например, в системе здравоохранения, связанной с оказанием медицинской помощи.

Замена термина «телесное повреждение» на термин «повреждение здоровья»¹⁷ исключается, так как последний представляет собой правовое понятие (из области гражданского права), во многом созвучное понятию «вред здоровью», имеющему отношение к несчастным случаям на производстве.

Травма — понятие, тождественное общемедицинским терминам «повреждение»¹⁸ и «телесное повреждение»¹⁹. Вместе с тем понятие «травма» шире, чем понятие «повреждение»²⁰. Всякое повреждение можно назвать травмой, но не всякую травму — повреждением (например, «психическую» травму). Понятие «травма» преимущественно связывают с этиологическим, а не морфологическим содержанием. Еще термин «травма» является собирательным и обозначает действие травмирующего агента и причиненное им повреждение²¹. Понятие «травма» очень широко используется в различных медицинских науках и на практике. Как представляется, в большей мере оно имеет отношение к живому человеку, а не к мертвому. Также этот термин не может заменить судебно-медицинский термин «телесное повреждение».

Термин «заболевание» характеризуется появлением анатомических и функциональных расстройств вследствие деструктивного воздействия внутренних (ненасильственных) неблагоприятных факторов. Заболевание может быть диагностировано у живого лица и у мертвого, но его возникновение способно существовать только внутренний фактор.

Патологическое состояние — явление, развивающееся в ответ на имеющееся заболевание или полученное телесное повреждение, проявляющееся преимущественно в виде функциональных расстройств.

Подводя итог изложенному, можно резюмировать следующее.

В России термин «телесное повреждение» давно и широко используется в судебной медицине и в деятельности правоохранительных органов, оставаясь при этом без своего общепринятого и научно обоснованного определения. Произвольная трактовка понятия «телесное повреждение» способна привести к ошибочной судебно-медицинской, а в конечном счете следственной и судебной оценке.

«Телесное повреждение» — безальтернативный судебно-медицинский термин, использующийся в отечественном законодательстве. Его аналоги («повреждение», «травма») — не отражают всей специфики судебной медицины. Предлагаемое в статье авторское определение телесного повреждения вполне пригодно для использования в деятельности, основанной на познаниях в области судебной медицины.

Термин «телесное повреждение» необходимо вернуть в уголовно-процессуальное и уголовное законодательства в качестве замены термина «вред здоровью» в подходящем по смыслу варианте. Использование термина «вред здоровью» в УК и УПК РФ вынуждает следствие и суд ставить перед судебными экспертами вопросы правового характера. Дан-

ное обстоятельство означает одно: заключение судебного эксперта, основанное на установлении характера и степени вреда, причиненного здоровью, представляет, по сути, недопустимое доказательство.

Список литературы

1. Бойко И.Б. Судебная медицина для юристов : учеб. пособие / И.Б. Бойко. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань : Пресса, 2004. 150 с.
2. Виноградов И.В. Судебная медицина : учебник / И.В. Виноградов, В.В. Томилин. М. : Юрид. лит., 1991. 239 с.
3. Завальнюк А.Х. Краткий словарь судебно-медицинских терминов / А.Х. Завальнюк. Киев : Вища школа. Головное изд-во, 1982. 192 с.
4. Капустин А.В. О некоторых вопросах судебно-медицинской экспертизы степени тяжести телесных повреждений / А.В. Капустин // Судебно-медицинская экспертиза. 1991. № 3. С. 41–45.
5. Козлов В.В. Понятие «телесное повреждение» в судебной медицине / В.В. Козлов // Ученые записки. Вопросы уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процесса и криминалистики. Вып. XVI. Саратов : Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского, 1969. С. 253–264.
6. Моисеева Т.Ф. О компетенции судебного эксперта / Т.Ф. Моисеева // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 31–33.
7. Неклюдов Ю.А. Судебная медицина : справочник / Ю.А. Неклюдов. М. : Дрофа, 2007. 608 с.
8. Никифоров А.С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1959. 28 с.
9. Советское уголовное право. Часть Особенная : учебник / З.А. Вышинская, А.А. Герцензон, Н.И. Загородников и др. М. : Госюриздат, 1951. 431 с.
10. Попов В.Л. Судебная медицина : учебник / В.Л. Попов. СПб. : Изд. ВМА, 1993. 287 с.
11. Самойличенко А.Н. Судебная медицина : конспект лекций / А.Н. Самойличенко. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. 381 с.
12. Судебная медицина. Общая и Особенная части : учебник / С.Ф. Шадрин, С.И. Гирько, В.Н. Николаев и др. М. : Эксмо, 2005. 652 с.
13. Судебная медицина : учебник / под ред. Ю.И. Пиголкина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. 496 с.
14. Чарный В.И. Судебная медицина (руководство для врачей) / В.И. Чарный ; под ред. А.А. Матышева и А.Р. Деньковского. 2-е изд., перераб. и доп. Л. : Медицина, 1985. 487 с.
15. Шамонова Т.Н. Сущность и значение специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве / Т.Н. Шамонова // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 2–5.

¹ Самойличенко А.Н. Судебная медицина : конспект лекций. Ростов н/Д. : Феникс, 2006. С. 51.

² См., например: Судебная медицина. Общая и Особенная части : учебник / С.Ф. Шадрин, С.И. Гирько, В.Н. Николаев и др. М. : Эксмо, 2005.

³ См., например: Советское уголовное право. Часть Особенная : учебник / З.А. Вышинская, А.А. Герцензон, Н.И. Загородников и др. М. : Госюриздат, 1951. С. 195 ; Никифоров А.С. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1959. С. 14.

⁴ См., например: Козлов В.В. Понятие «телесное повреждение» в судебной медицине // Ученые записки. Вопросы уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процес-

- са и криминалистики. Вып. XVI. Саратов : Сарат. юрид. ин-т им. Д.И. Курского, 1969. С. 253–254 ; Чарный В.И. Судебная медицина (руководство для врачей) / под ред. А.А. Матышева и А.Р. Денюковского. 2-е изд., перераб. и доп. Л. : Медицина, 1985. С. 35 ; Виноградов И.В., Томилин В.В. Судебная медицина : учебник. М. : Юрид. лит., 1991. С. 23 ; Самойличенко А.Н. Указ. раб. С. 51.
- ⁵ См., например: Капустин А.В. О некоторых вопросах судебно-медицинской экспертизы степени тяжести телесных повреждений // Судебно-медицинская экспертиза. 1991. № 3. С. 41.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Козлов В.В. Указ. раб. С. 264.
- ⁸ Чарный В.И. Указ. раб. С. 35.
- ⁹ Неклюдов Ю.А. Судебная медицина : справочник / Ю.А. Неклюдов. М. : Дрофа, 2007. С. 364.
- ¹⁰ См., например: Правила для составления заключения о тяжести повреждения. Утверждены Наркомздравом и Наркомюстом РСФСР 27 января 1928 г. / Бюллетень Наркомздрава. 1928. № 3.
- ¹¹ Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью // Приложение 2 к приказу Минздрава РФ от 10 декабря 1996 г. № 407 (ред. от 05.03.1997) «О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз» // СПС «КонсультантПлюс».
- ¹² Судебная медицина. Общая и Особенная части. С. 120.
- ¹³ Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 // СЗ РФ. 2007. № 35. Ст. 4308.
- ¹⁴ Козлов В.В. Указ. раб. С. 256.
- ¹⁵ См., например: Виноградов И.В., Томилин В.В. Указ. раб. С. 23 ; Попов В.Л. Судебная медицина : учебник. СПб. : Изд. ВМА, 1993. С. 15 ; Самойличенко А.Н. Указ. раб. С. 52 ; Неклюдов Ю.А. Указ. раб. С. 364 ; Судебная медицина : учебник / под ред. Ю.И. Пиголкина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2012. С. 124, 483.
- ¹⁶ Попов В.Л. Указ. раб. С. 16.
- ¹⁷ Об определении степени тяжести повреждения здоровья при несчастных случаях на производстве : приказ Министерства здравоохранения и социального развития от 24 февраля 2005 г. № 160 // СПС «КонсультантПлюс».
- ¹⁸ См., например: Завальнюк А.Х. Краткий словарь судебно-медицинских терминов. Киев : Вища школа. Головное изд-во, 1982. С. 148 ; Попов В.Л. Указ. раб. С. 16 ; Бойко И.Б. Судебная медицина для юристов : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань : Пресса, 2004. С. 35.
- ¹⁹ См., например: Чарный В.И. Указ. раб. С. 35 ; Самойличенко А.Н. Указ. раб. С. 51.
- ²⁰ Завальнюк А.Х. Указ. раб. С. 148.
- ²¹ Там же.

**Принимаем
к опубликованию
ваши статьи,
обзоры,
рецензии!**

**avtor@lawinfo
www.lawinfo.ru**

Квалификация судебного эксперта и право на производство судебных экспертиз*

Галяшина Елена Игоревна,
заместитель заведующего кафедрой,
профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доктор филологических наук,
профессор, академик Российской академии естественных наук (РАЕН)
egalyashina@gmail.com

В статье рассматриваются профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к судебному эксперту, дающие ему право заниматься судебно-экспертной деятельностью в порядке выполнения своих должностных обязанностей. На примере фоноскопической экспертизы обосновывается объективная необходимость приобретения лицом, не имеющим высшего образования по направлению подготовки 40.05.03 Судебная экспертиза (специализация № 5 — речеведческие экспертизы), дополнительной профессиональной подготовки по экспертным специальностям, предусмотренным ведомственными нормативными правовыми актами, для приобретения права выполнять судебные фоноскопические экспертизы в порядке исполнения своих должностных обязанностей.

Ключевые слова: квалификация, повышение квалификации, профессиональная переподготовка, экспертная специальность, судебно-экспертная деятельность.

The article reviews professional and qualification requirements to a forensic expert giving him a right to perform forensic examinations as part of his job responsibilities. The author uses an example of phonoscope examination to justify an objective need of a person having no higher education in the field of 40.50.03 Forensic Examination (specialization No. 5 — Speech Examinations) to acquire additional professional training in the expert fields stipulated by the institutional laws and regulations to acquire the right to perform forensic phonoscope examination as part of his job responsibilities.

Key words: qualification, professional development, professional retraining, expert field, forensic activities.

Проблема доступа к профессии судебного эксперта, определяемого законодательством, регулирующим судебно-экспертную деятельность, через специальные профессиональные и квалификационные требования к эксперту, уже являлась предметом нашего рассмотрения¹. Однако современные реалии судопроизводства, когда заключение эксперта оценивается критически по причине отсутствия у государственного судебного эксперта необходимых документов, подтверждающих его квалификацию по результатам дополнительного профессионального образования по экспертной специальности, а также негативно оцениваемые общественностью и прокурорскими работниками результаты судебных экспертиз по причине правовой неграмотности и профессиональной несостоятельности экспертов, отсутствия прозрачных процедур проверки их компетентности², побуждают вновь обратиться к проблеме квалификации эксперта, дающей ему право заниматься профессиональной судебно-экспертной деятельностью.

В сфере образования и трудовых отношений квалификация — это уровень подготовки и проявления профессиональных качеств, степень пригодности к определенным профессиональным требованиям. Квалификация — уровень знаний, умений, навыков и компетенции, характеризующий подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности³.

Квалификация подтверждается документом об образовании и (или) квалификации, выдаваемым лицам, успеш-

но прошедшим государственную итоговую аттестацию. Эти документы дают их обладателям право заниматься определенной профессиональной деятельностью, в том числе занимать должности, для которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке определены обязательные требования к уровню профессионального образования и (или) квалификации, если иное не установлено федеральными законами.

В сфере судебно-экспертной деятельности документами, дающими право заниматься профессиональной деятельностью по проведению экспертиз и исследований на основе специальных знаний, являются документы о высшем образовании и дополнительном профессиональном образовании по конкретной экспертной специальности.

В государственных судебно-экспертных учреждениях должность эксперта может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы.

* Forensic Expert Qualification and Right to Perform Forensic Examinations

Galyashina Elena I., Deputy Department Head, Professor of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Doctor of Philology, Professor, Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)

Обязательные требования к образованию и (или) квалификации негосударственных судебных экспертов законодательно не закреплены. Однако на практике компетенция экспертов, не являющихся работниками государственных судебно-экспертных учреждений, подтверждается документами о наличии соответствующих специальных знаний, в том числе документами о профессиональном образовании, повышении квалификации, опыте научно-практической деятельности в сфере судебной экспертизы и т.д.

Таким образом, право заниматься профессиональной судебно-экспертной деятельностью работнику государственного судебно-экспертного учреждения или иному сведущему лицу дают документы об образовании и (или) квалификации, выдаваемые лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию.

Документ об образовании и о квалификации, выдаваемый лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию, подтверждает получение профессионального образования определенного уровня и квалификации по профессии, специальности или направлению подготовки, относящимся к соответствующему уровню профессионального образования.

Основное общее образование (подтверждается аттестатом об основном общем образовании), среднее общее образование (подтверждается аттестатом о среднем общем образовании), высшее образование — бакалавриат (подтверждается дипломом бакалавра), высшее образование — специалитет (подтверждается дипломом специалиста), высшее образование — магистратура (подтверждается дипломом магистра), высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемая по результатам освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), программ ординатуры, ассистентуры-стажировки (подтверждается дипломом об окончании, соответственно, аспирантуры (адъюнктуры), ординатуры, ассистентуры-стажировки).

Документ о квалификации подтверждает: повышение или присвоение квалификации по результатам дополнительного профессионального образования (подтверждается удостоверением о повышении квалификации или дипломом о профессиональной переподготовке); присвоение разряда или класса, категории по результатам профессионального обучения (подтверждается свидетельством о профессии рабочего, должности служащего).

Анализируя профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к государственному судебному эксперту в системной взаимосвязи с законодательством, регулирующим правоотношения в сфере образования, важно подчеркнуть, что законодательно не закреплены требования о конкретном направлении или специальности высшего образования, которое должно быть у лица, занимающего определенную экспертную должность, поскольку специальные знания, востребованные в судопроизводстве, очень разнообразны. Профессиональные требования к эксперту, проводящему конкретный род или вид судебной экспертизы, определяются компетенциями по экспертной специальности (специализации). Поэтому государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей в пределах соответствующей экспертной специальности.

Перечень специальностей и направлений высшего образования⁴ и перечни экспертных специальностей, по которым аттестуются государственные судебные эксперты различных ведомств, между собой не коррелируют. Ведомственные классификаторы экспертных специальностей соответствуют классификации судебных экспертиз по родам и видам по триединому основанию (объектам, решаемым задачам и специальным знаниям), тогда как специальности и направления высшего образования охватывают

практически все области гуманитарного и естественно-научного знания.

Следовательно, помимо высшего образования, которое формально может быть любым, основное квалификационное требование к субъекту экспертизы — это уровень знаний, умений, навыков и компетенций, характеризующий подготовленность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности в пределах конкретной экспертной специальности.

Так, например, фоноскопическую экспертизу проводят как лица с высшим филологическим, лингвистическим и иным гуманитарным образованием, так и лица с высшим физико-математическим, техническим и иным образованием. При этом, независимо от направления высшего образования, эксперты-фоноскописты (например, ЭКП ОВД России) аттестуются и по экспертной специализации «идентификация лиц по голосу и речи», и по специализации «техническое исследование фонограмм». Таким образом, профессиональная деятельность по экспертным специальностям (специализациям) больше соотносима с видами (родами) судебных экспертиз, чем с направлениями высшего образования по основным образовательным программам.

Тем не менее анализ нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти показывает, что до настоящего времени едиобразные дополнительные профессиональные программы не приняты, единый подход к профессиональным компетенциям по экспертным специальностям не определен, унифицированный реестр экспертных специальностей отсутствует, легального определения понятия «экспертная специальность» нет.

Наименования экспертных специальностей, по которым аттестуются государственные судебные эксперты различных ведомств, и содержательное наполнение видов проводимых судебных экспертиз разнятся.

Сравнение наименований экспертных специальностей, по которым осуществляется аттестация государственных судебных экспертов на право самостоятельного производства экспертиз, в МВД, Минюсте и ФСБ России⁵ свидетельствует о наличии существенного отличия по родам (видам) экспертиз, входящих, например, в класс речеведческих: фоноскопическая/фонографическая экспертиза, автороведческая экспертиза, лингвистическая экспертиза, экспертиза текстов экстремистской направленности (выделяемая, согласно логике ФСБ России, в отдельный вид).

Непосредственной целью профессиональной подготовки судебного эксперта является формирование его готовности к квалифицированному выполнению процессуальных и профессиональных обязанностей, под которым понимается система знаний, умений, навыков, личных качеств, обеспечивающих самостоятельное, всестороннее, полное выполнение поставленных перед экспертом задач по исследованию объектов судебной экспертизы⁶, соответствие требованиям профессионального стандарта.

Профессиональный стандарт — характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности. Необходимость разработки и введения профессиональных стандартов определена Указом Президента РФ № 597 от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Профессиональный стандарт является новой формой определения квалификации работника по сравнению с единым тарифно-квалификационным справочником работ и профессий рабочих и единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и служащих.

Однако до настоящего времени профессиональные стандарты в сфере судебно-экспертной деятельности не разработаны.

В этой связи первостепенной задачей является разработка унифицированных программ дополнительного про-

фессионального образования по единому для всех ведомств перечню экспертных специальностей. Необходимо разработать для каждой экспертной специальности не только программу повышения квалификации лиц, получивших высшее образование по специальности «Судебная экспертиза», но и программу профессиональной переподготовки лиц, получивших высшее образование по иным направлениям.

Дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды.

Поэтому дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации двух видов дополнительных профессиональных программ: программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки. Программа повышения квалификации направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации. Программа профессиональной переподготовки направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации.

Программы профессиональной переподготовки разрабатываются на основании установленных квалификационных требований, профессиональных стандартов и требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального и (или) высшего образования к результатам освоения образовательных программ.

Комментируя указанные нормативные правовые акты, следует отметить, что работники государственных экспертных учреждений, занимающиеся производством экспертиз в порядке выполнения своих должностных обязанностей, подтверждают наличие у них необходимой квалификации дипломом об образовании. Это может быть диплом специалиста по направлению подготовки, 40.05.03 «Судебная экспертиза» с указанием специализации. Специализации, по которым готовятся выпускники, освоившие программу специалитета: № 1 «Криминалистические экспертизы»; № 2 «Инженерно-технические экспертизы»; № 3 «Экспертизы веществ, материалов и изделий»; № 4 «Экономические экспертизы»; № 5 «Речеведческие экспертизы»⁷.

Таким образом, квалификация судебного эксперта приобретает в результате освоения основной образовательной программы высшего образования и подтверждается дипломом о высшем образовании по какому-либо направлению и уровню подготовки с последующей профессиональной переподготовкой и (или) повышением квалификации.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дополнительные профессиональные программы должны отвечать федеральным государственным требованиям — обязательным требованиям к минимуму содержания, структуре дополнительных профессиональных программ, условиям их реализации и срокам обучения по этим программам, утверждаемым в соответствии с данным федеральным законом уполномоченными федеральными органами исполнительной власти.

Осуществлять образовательную деятельность по дополнительной профессиональной подготовке может организация, имеющая соответствующую лицензию. Образовательная деятельность подлежит лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности с учетом особенностей, установленных указанной статьей. Лицензирование образовательной деятельности осуществляется по видам образова-

ния, по уровням образования, по профессиям, специальностям, направлениям подготовки (для профессионального образования), по подвидам дополнительного образования.

Государственные судебно-экспертные учреждения, реализующие программы дополнительного профессионального образования, в том числе и по программам повышения квалификации, должны соответствовать требованиям законодательства, предъявляемым к организациям, осуществляющим наряду с основной деятельностью дополнительную образовательную деятельность, т.е. действовать на основании соответствующей лицензии. Сегодня данному требованию из числа государственных судебных учреждений соответствует не только РФЦСЭ при Минюсте России, но и ЭКЦ МВД РФ, получивший лицензию на дополнительное профессиональное образование в 2016 г.⁸

В то же время судебные экспертизы, проведенные в системе экспертно-криминалистических подразделений ЭКЦ МВД России экспертами, получившими свидетельства на право самостоятельного производства экспертиз до 31 октября 2016 г., могут быть признаны недопустимыми доказательствами по формальным основаниям. Это может повлечь пересмотр уголовных и гражданских дел, где заключение эксперта являлось решающим доказательством.

В соответствии со ст. 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» должность государственного эксперта может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности, а в органах внутренних дел — гражданин Российской Федерации, имеющий среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы. Если лица, назначаемые на должность эксперта, направлялись в ЭКЦ МВД России для получения дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности в период, когда лицензии на осуществление образовательной деятельности у ЭКЦ МВД РФ не было, это нарушало п. 17 ст. 2, ч. 1 ст. 91 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и п. 40 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», в соответствии с которыми реализация дополнительного профессионального образования возможна только при наличии соответствующей лицензии. Таким образом, деятельность таких лиц в качестве судебных экспертов, получивших свидетельство на право самостоятельного производства экспертиз на основе документов о повышении квалификации или стажировки на базе ЭКЦ МВД РФ до 31 октября 2016 г., является незаконной.

В качестве примера приведем уголовное дело, по которому были назначены фоноскопические экспертизы, производство которых было поручено экспертам одного из региональных Экспертно-криминалистических центров МВД РФ, а автор настоящей статьи была привлечена адвокатом-защитником в качестве специалиста для содействия в оценке заключений эксперта.

Во вводной части заключений эксперта сказано, что фоноскопическая экспертиза проведена экспертом В., имеющим высшее техническое образование (специальность «Сети связи и системы коммутации») и экспертом Р., имеющей высшее филологическое образование (специальность «Филология»). Оба эксперта указали наличие стажа работы по экспертным специализациям: «Идентификация лиц по фонограммам устной речи» и «Техническое исследование фонограмм».

В судебном заседании в ходе допроса эксперт Р. показала, что она имеет только высшее вузовское образование, дополнительное профессиональное образование в организации, имеющей соответствующую лицензию на

образовательную деятельность, по экспертным специальностям в соответствии с дополнительными профессиональными программами, утвержденными приказом МВД России, не получала. Документов о прохождении дополнительного профессионального образования в организации, имеющей лицензию на образовательную деятельность, эксперт не представила, указала, что имеет свидетельство на право самостоятельного производства судебных экспертиз по указанным экспертным специальностям и проходила повышение квалификации в 2014–2015 гг. на базе ЭКЦ МВД России в ходе стажировок, что предусмотрено нормативными правовыми актами МВД России.

Однако данный довод был оценен судом критически.

Согласно п. 2 Положения об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их квалификации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Приказом МВД России от 9 января 2013 г. № 2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России», в системе МВД России право самостоятельного производства судебных экспертиз предоставляется экспертам, имеющим высшее образование и получившим дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности⁹.

Документ о прохождении стажировки на базе ЭКЦ МВД России в период 2014–2015 гг. не является документом о повышении квалификации по программе дополнительного профессионального образования. Выдавать такой документ ЭКЦ МВД России, не имевший до 31 октября 2016 г. лицензии на образовательную деятельность, не мог. Заключение эксперта было признано недопустимым доказательством, полученным с нарушением закона. По делу был постановлен оправдательный приговор.

Из вышесказанного следует вывод, что отсутствие у экспертов государственных судебно-экспертных учреждений документов о повышении квалификации или профессиональной переподготовке по конкретной экспертной специальности, выданных образовательной организацией или организацией, осуществляющей обучение по дополнительным профессиональным программам на основе соответствующей лицензии, лишает работников государственных судебно-экспертных учреждений права производить судебные экспертизы в порядке исполнения должностных обязанностей.

Остановимся еще на одном вопросе, связанном с обучением работников государственных судебно-экспертных учреждений по дополнительным профессиональным программам. Какую программу следует реализовать: повышения квалификации или профессиональной переподготовки, если данный работник не имеет высшего образования по одной из пяти специализаций направления подготовки 40.05.03 «Судебная экспертиза»?

Решая вопрос о том, какую программу дополнительного профессионального образования должен освоить эксперт — повышения квалификации или переподготовки, по нашему мнению, необходимо исходить из квалификации, указанной в дипломе о высшем образовании.

Так, например, если в дипломе специалиста указана квалификация «Судебная экспертиза», специализация «Речеведческие экспертизы», лицо, претендующее проводить судебные фоноскопические экспертизы, может освоить программу повышения квалификации, т.е. в рамках имеющейся квалификации совершенствовать или получать новые компетенции, осваивая новые методики исследования продуктов речевой деятельности как объектов судебных экспертиз. Однако если в дипломе указана специальность «Филология» или «Электронные приборы и устройства», то для приобретения квалификации судебного эксперта необходимо дополнительное профессиональное обучение по программе профессиональной переподготовки.

Игнорирование требований законодательства о судебно-экспертной и образовательной деятельности при осуществлении подготовки и повышении квалификации судебных экспертов влечет риск признания заключения эксперта недопустимым доказательством, полученным с нарушением действующего законодательства. Важно подчеркнуть, что в большей степени эти риски затрагивают государственных судебных экспертов, к которым предъявляются обязательные профессиональные и квалификационные требования в силу ст. 13 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», и куда в меньшей степени негосударственных судебных экспертов, специальные требования к образованию и (или) квалификации которых законодательно не закреплены, а подтверждение компетенции носит добровольный характер.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. М.: Норма, 2006. 480 с.
2. Галяшина Е.И. Доступ к профессии эксперта и паспорт экспертной специальности / Е.И. Галяшина // Эксперт-криминалист. 2016. № 2. С. 30–33.
3. Галяшина Е.И. Унификация судебно-экспертной деятельности и проблемы доступа к профессии эксперта / Е.И. Галяшина // Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности» (Москва, 21 января 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 71–77.
4. Галяшина Е.И. О концепции экспертной специальности в свете модернизации законодательства / Е.И. Галяшина // Московский юридический форум. VI Международная научно-практическая конференция «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции». Ч. I. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. С. 350–354.
5. Комиссарова Я.В. Перспективы формирования межотраслевого института судебной экспертизы / Я.В. Комиссарова // Российский судья. 2012. № 3. С. 46–48.
6. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практ. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М.: Юрайт, 2011. 720 с. (Настольная книга специалиста).
7. Россинская Е.Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности / Е.Р. Россинская // Право и государство. 2014. № 2. С. 96–100.
8. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

¹ См.: Галяшина Е.И. Доступ к профессии эксперта и паспорт экспертной специальности // Эксперт-криминалист. 2016. № 2. С. 30–33.

² После нашумевшего дела «пьяного мальчика» СМИ со ссылкой на Генерального прокурора сообщают: «Прокуроры сочли, что положение в этой сфере плачевное: мол, эксперты зачастую работают в связке со следователями или просто зависят от силовиков. Это не способствует объективности в расследовании дел. Более того — некоторые эксперты не имеют достаточных знаний, что приводит к неточным результатам исследований. Тогда за решетку попадают невиновные. Прокуратура уведо-

мила о ситуации президента и теперь ищет способы исправить положение. Из-за того что нет процедур подтверждения компетентности экспертов, не может быть гарантирована объективность заключений, — отметил в письме секретарю Совбеза Николаю Патрушеву генпрокурор Юрий Чайка». См.: URL: <https://news.rambler.ru/incidents/37309574-delo-ryanogo-malchikarossiyskie-sudmedekspertizy-nesovershenny/> (дата обращения: 01.08.2017).

³ Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования [Электронный ресурс] : приказ Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. № 1061 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России (вместе с Положением об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации; Положением о Центральной экспертно-квалификационной комиссии Министерства внутренних дел Российской Федерации) [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 9 января 2013 г. № 2 // СПС «КонсультантПлюс» ; Об утверждении Положения об аттестации государственных экспертов государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ Минюста РФ от 12 июля 2007 г. № 142 // СПС «КонсультантПлюс» ; Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности [Электронный ресурс] : приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практ. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М. : Юрайт, 2011. С. 55–63.

⁷ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалиста) [Электронный ресурс] : приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2016 г. № 1342 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ См.: Положение о дополнительном профессиональном образовании работников федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, утв. Приказом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 16 декабря 2014 г. № 239/1-1 ; Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 7 октября 2014 г. № 207 «Об утверждении Положения об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте РФ 16.10.2014, регистрационный № 34344). URL: <http://sudexpert.ru/files/norms/142.pdf> (дата обращения: 01.08.2017) ; Приказ Департамента образования города Москвы от 31 октября 2016 г. № 1287Л о выдаче федеральному государственному казенному учреждению «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» лицензии на образовательную деятельность. URL: http://dogm.mos.ru/control-and-supervision-in-the-sphere-of-education/licensing-of-educational-activity/control_license/ (дата обращения: 01.08.2017).

⁹ Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 9 января 2013 г. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

Об экспертной оценке в корпоративных закупках*

Исютин-Федотков Дмитрий Владимирович,
старший юрист Адвокатского бюро «Асташкевич и партнеры»,
кандидат юридических наук, доцент
dima-isytin@ya.ru

В статье поднимается вопрос о необходимости качественной экспертизы законопроектов, затрагивающих корпоративные закупки. Проблемы правоприменительной деятельности, а также противоречивая административная и судебная практика в корпоративных закупках связаны с отсутствием квалифицированной экспертной оценки правовых инструментов.

Ключевые слова: экспертиза, корпоративные закупки, законопроект, административная и судебная практика.

The article raises the question of the need for a qualitative examination of draft laws affecting corporate purchases. The problems of law enforcement activities, as well as the contradictory administrative and judicial practice in corporate procurement are related to the lack of a qualified expert evaluation of legal instruments.

Key words: expertise, corporate procurement, draft law, administrative and judicial practice.

Публичные закупки в Российской Федерации разделены на две группы: государственные (муниципальные), проводимые в соответствии с требованиями Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», и корпоративные, проводимые в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Закон № 223-ФЗ).

Несмотря на внешнюю схожесть правового регулирования общественных отношений, построенные модели закупки значительно отличаются друг от друга. Государственные (муниципальные) закупки предназначены для реализации только публичных интересов. Для этой модели характерны императивные механизмы, нормы публичных отраслей права, жесткие инструменты принуждения. Корпоративные закупки относятся к смешанной модели правового регулирования, т.к. здесь реализуются частные и публичные интересы. Соответственно, для таких закупок используются диспозитивные механизмы; многое регулируется заказчиками и участниками закупочной деятельности самостоятельно¹.

Несмотря на относительную самостоятельность и открытость отношений заказчиков и участников для общест-венности, корпоративные закупки в настоящее время переживают этап становления², что влечет многочисленные проблемы в правоприменительной деятельности. Совершается значительное количество различных правонарушений. В различных источниках, посвященных проблемам корпоративных закупок, приводятся обзоры нарушений законодательства о закупках, выявляемых прокуратурами³, аналитика привлечения к административной ответственности за нарушения законодательства о закупках⁴, статистика рассмотрения жалоб на заказчиков⁵, рассматриваются многочисленные противоречия при рассмотрении одних и тех же проблем⁶ и т.д.⁷

На наш взгляд, основной причиной перекосов правоприменительной практики в корпоративных закупках является отсутствие экспертной оценки в следующих ключевых элементах рассматриваемой сферы:

1. Правовое обеспечение корпоративных закупок. Очевидно, что для проведения корпоративных закупок необходимо получить четкий, надежный, универсальный и всем понятный нормативный правовой акт. К сожалению, Закон № 223-ФЗ нельзя назвать таким документом. В этой связи для прогнозирования и предупреждения правонарушений, недо-

пущения их причин и условий в рассматриваемой сфере важна качественная экспертиза законопроектов⁸, изменяющих и дополняющих Закон № 223-ФЗ. При проведении такой экспертизы должны учитываться его недостатки и пробелы.

На отсутствие положительных изменений в развитии системы корпоративных закупок указывает, например, Счетная Палата Российской Федерации⁹. Мы также считаем, что в корпоративных закупках сформировались проблемные направления, которые требуют решения за счет совершенствования правового обеспечения¹⁰.

Отсутствие необходимой экспертной оценки правовых инструментов корпоративных закупок приводит к проблемам в правоприменительной деятельности и последующей противоречивой административной и судебной практике.

2. Формирование единой административной и судебной практики разрешения споров, связанных с корпоративными закупками. На наш взгляд, здесь отсутствует единая системная экспертная оценка прежде всего административной практики.

По мнению В.В. Кикавец: «В последнее время все чаще споры по жалобам участников закупок по Закону № 223-ФЗ стали выходить за рамки административной процедуры на разрешение в арбитражный процесс, от-ветчиком по которому в большинстве случаев становится ФАС. И это не случайно, поскольку в пылу борьбы за благие начинания, развитие и поддержку конкуренции работники ФАС «позволяют себе» делать ошибки, на которые затем справедливо указывают акты судов различных инстанций. А ведь эти ошибки можно квалифицировать как превышение отдельными должностными лицами (или группой лиц в составе комиссии) полномочий, возложенных на федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля (надзора) в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»¹¹. Выход из складывающейся неоднозначной административной практики В.В. Кикавец видит в рассмотрении возможности заказчиков в случае, если должностные лица ФАС будут продолжать выносить решения и предписания за пределами своих полномочий, инициировать соответствующее заявление о возбуждении уголовного дела в отношении должностного лица или группы лиц (комиссия) по ст. 286 УК РФ. Если даже дело не дойдет до суда, его прекратят за отсутствием состава и пр. — это может служить стимулом для пересмотра «ведомственного подхода» к работе по спорам, вытекающим из закупок в рамках Закона № 223-ФЗ¹².

* On Expert Evaluation in Corporate Procurement

Isyutin-Fedotkov Dmitry V., Senior Lawyer at the Astashkevich and Partners law firm, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

Очевидно, что противоречивая административная и судебная практика связана с несовершенным правовым обеспечением корпоративных закупок. Но возбуждение уголовных дел в отношении должностных лиц ФАС — не выход из ситуации, скорее, это временное решение конкретных конфликтных ситуаций. Причина несовершенства практики применения законодательства о корпоративных закупках и практики рассмотрения споров в данной сфере намного глубже — в отсутствии стратегии развития корпоративных закупок, несовершенстве законодательства, что является следствием отсутствия качественной экспертизы принимаемых решений в этом направлении.

Таким образом, единство в подходах к разрешению споров при корпоративных закупках может быть достигнуто только после экспертной оценки:

- а) противоречий и проблем, которые вскрываются в результате применения законодательства о закупках;
- б) законопроектов, изменяющих и дополняющих Закон № 223-ФЗ;
- в) административной и судебной практики.

3. Кадровое обеспечение корпоративных закупок. Профессионализм заказчика заложен в государственных (муниципальных) закупках, тогда как законодательство о корпоративных закупках не содержит требований к квалификации работников, задействованных в этой сфере. В рамках Закона № 223-ФЗ заказчики вправе самостоятельно устанавливать требования к квалификации работников.

Некоторую положительную роль в этом направлении могут сыграть профессиональные стандарты¹³. Однако они предусматривают подготовку кадров для корпоративных закупок только в рамках повышения квалификации и переподготовки¹⁴. Кроме того, практическая реализация профессиональных стандартов пока вызывает ряд вопросов¹⁵.

Мы считаем, что отсутствие целенаправленной подготовки кадров с высшим образованием является существенным недостатком сферы закупок. Складывается ситуация, при которой целая отрасль экономики остается без кадрового потенциала и резерва, из которого могли бы выходить эксперты, способные на высоком уровне управлять этой отраслью, оценивать риски, вносить предложения по совершенствованию законодательства, осуществлять научную и образовательную деятельность и т.д.

В заключение необходимо отметить, что при нынешнем подходе к корпоративным закупкам негативные тенденции в этой сфере будут только усиливаться. Совершенствование законодательства на данном этапе развития корпоративных закупок является первостепенной задачей. Для этого потребуются качественная экспертиза законопроектов, изменяющих законодательство о корпоративных закупках, экспертная оценка существующей правоприменительной практики, а также целенаправленная подготовка специалистов для отрасли.

Список литературы

1. Аверьянова Н.Н. Экспертиза законопроектов в законотворческом процессе России: правовая теория и классификация / Н.Н. Аверьянова, Е.О. Локтионова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2016. № 1. С. 107–112.
2. Асташкевич А.И. Проблемы корпоративных закупок : науч.-практ. пособие / А.И. Асташкевич, Д.В. Исютин-Федотков. М. : Библио-Глобус, 2017. 112 с.
3. Исютин-Федотков Д.В. Об устранении причин и условий правонарушений в корпоративных закупках / Д.В. Исютин-Федотков // Юрист. 2017. № 7. С. 34–37.
4. Исютин-Федотков Д.В. Тенденции деградации современных корпоративных закупок / Д.В. Исютин-Федотков // Гражданское право. 2017. № 4. С. 17–19.
5. Кикавец В.В. Пределы полномочий ФАС по Закону № 223-ФЗ / В.В. Кикавец // Корпоративные закуп-

ки — 2017: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ : сб. докл. V Всероссийской практической конференции-семинара. М. : Принт-ИнТайм, 2017. С. 147–153.

6. Обходные маневры // Московские торги. 2016. № 5. С. 36–39.
7. Писенко К.А. Публичные и частные закупки: основания и проблемы дифференцированного подхода к регулированию / К.А. Писенко // Финансовое право. 2013. № 12. С. 13–17.
8. Россинская Е.Р. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. М. : Норма: Инфра-М, 2014. 160 с.
9. Сухадольский Г.А. Профессиональные стандарты в сфере закупок / Г.А. Сухадольский // ПРОГОС-ЗАКАЗ.РФ. 2016. № 7. С. 6–38.
10. Тухватуллин Т.А. Нарушения Закона № 223-ФЗ. Что выявляют прокуратуры / Т.А. Тухватуллин // Госзакупки.ру. 2016. № 4. С. 1.
11. Шарова К.К. О применении КоАП РФ за противоправные действия при закупках по Закону № 223-ФЗ / К.К. Шарова // Госзакупки.ру. 2015. № 6. С. 1.

¹ См., например: Писенко К.А. Публичные и частные закупки: основания и проблемы дифференцированного подхода к регулированию // Финансовое право. 2013. № 12. С. 13–17.

² Исютин-Федотков Д.В. Тенденции деградации современных корпоративных закупок // Гражданское право. 2017. № 4. С. 17–19.

³ Тухватуллин Т.А. Нарушения Закона № 223-ФЗ. Что выявляют прокуратуры // Госзакупки.ру. 2016. № 4. С. 1.

⁴ Шарова К.К. О применении КоАП РФ за противоправные действия при закупках по Закону № 223-ФЗ // Госзакупки.ру. 2015. № 6. С. 1.

⁵ Обходные маневры // Московские торги. 2016. № 5. С. 36–39.

⁶ Подробно см.: Асташкевич А.И., Исютин-Федотков Д.В. Проблемы корпоративных закупок : науч.-практ. пособие. М. : Библио-Глобус, 2017. с.

⁷ Исютин-Федотков Д.В. Об устранении причин и условий правонарушений в корпоративных закупках // Юрист. 2017. № 7. С. 34–37.

⁸ В литературе такие экспертизы называют по-разному: криминологическая, юридико-лингвистическая, антикоррупционная и др. См. подробнее: Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики. М. : Норма: Инфра-М, 2014 ; Аверьянова Н.Н., Локтионова Е.О. Экспертиза законопроектов в законотворческом процессе России: правовая теория и классификация // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2016. № 1. С. 107–112 и др.

⁹ В 2016 г. положительных изменений в развитии системы корпоративных закупок не произошло. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/29015 (дата обращения: 16.12.2016).

¹⁰ См. подробнее: Асташкевич А.И., Исютин-Федотков Д.В. Указ. раб.

¹¹ Кикавец В.В. Пределы полномочий ФАС по Закону № 223-ФЗ // Корпоративные закупки — 2017: практика применения Федерального закона № 223-ФЗ : сб. докл. V Всероссийской практической конференции-семинара. М. : Принт-ИнТайм, 2017. С. 147.

¹² Там же. С. 153.

¹³ См.: Письмо Минэкономразвития России от 21 ноября 2016 г. № Д28и-3048 // Электронное периодическое издание. СПС «КонсультантБизнес: Версия Проф. КонсультантПлюс. Версия 4015.00.08».

¹⁴ Очевидно, что 16 часов повышения квалификации или 250 часов профессиональной переподготовки недостаточно для того, чтобы получить подготовленного специалиста для работы в сфере закупок.

¹⁵ См.: Сухадольский Г.А. Профессиональные стандарты в сфере закупок // ПРОГОСЗАКАЗ.РФ. 2016. № 7. С. 6–38.

Закономерности проявления в подписи индивидуума признаков его скорописного почерка как первоосновы оригинальности ее конструктивного строения*

Кошманов Пётр Михайлович,
начальник кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент
koshm77@mail.ru

Кошманов Михаил Петрович,
кандидат юридических наук, доцент
koshmanov-mikhail@mail.ru

Комнатин Владимир Геннадьевич,
судебный эксперт ООО «Центр правовых решений «Советник»
komnatin.vladimir@yandex.ru

В специальной литературе содержатся неполные, иногда противоречивые сведения о перечне признаков скорописного почерка, проявляющихся в подписи. В результате экспериментального исследования авторами было установлено, что проявление признаков текстового почерка в подписях имеет место, однако эта взаимосвязь значительно отличается от описанной в литературе.

Ключевые слова: подпись, почерк, экспериментальное исследование, идентификационная информативность подписи, оригинальность конструктивного строения подписи.

Special literature contains incomplete or even contradictory data concerning the list of rapid handwriting attributes appearing in a signature. The authors have undertaken an experimental study and found that text handwriting attributes do appear in signatures, but this relationship significantly differs from the one described in the literature.

Key words: signature, handwriting, experimental study, identification informational value of signature, original character of signature structure.

В современной жизни человека особое место занимают документы, как удостоверяющие личность, так и подтверждающие его правовой статус, профессиональные достижения в различных сферах деятельности. Обязательным реквизитом всех документов является подпись, предназначение которой выполнять две основные функции — удостоверить личность и защитную.

По результатам проведенного авторами анкетирования (1500 лиц) было установлено, что формирование подписи начинается в 5–7-х классах средней школы. Массовое обращение к выполнению первой в своей жизни «официальной» подписи, как заявили 60,9% опрошенных, происходит в 14 лет, и связано оно с получением паспорта гражданина России [4, с. 4]. Этот возрастной период у лиц, формирующих личную подпись, характеризуется тем, что у них уже выработаны определенные навыки буквенно-цифрового письма. Они становятся основой для конструирования графического изображения идентификационно-удостоверительного знака, то есть индивидуальной подписи человека.

В историческом плане следует отметить тот факт, что еще на заре разработки теоретических основ методики

исследования подписи в СССР некоторые исследователи почерка (например, А.А. Елисеев) отмечали, что формирование подписи происходит тогда, когда почерк, которым выполнен текст, в той или иной степени уже выработан [2, с. 8]. Другие же ученые-почерковеды (например, В.Ф. Орлова) считали, что подпись начинает формироваться у каждого человека не только на основе навыков, приобретенных в процессе обучения, но и результатов дальнейшего практического улучшения этих навыков [6, с. 38].

Следует согласиться с мнением тех исследователей почерка, кто полагает, что скоротечность процесса формирования подписи связана со многими факторами: в первую очередь — с целевой установкой пишущего на создание графического образа подписи; с частотой выполнения подписи; с ее конструктивным строением; со степенью выработанности скорописного почерка и его графическим строением.

Уже сформировавшиеся в определенной степени или же еще формирующиеся у исполнителя в юном возрасте навыки буквенно-цифрового письма характеризуются появлением устойчивых признаков в его почерке, которые закономерно находят свое проявление (отражение)

* Regularities of Rapid Handwriting Attribute Appearance in Person's Signature as Fundamental Principles of Original Character of Its Structure
Koshmanov Petr M., Head of the Department of Document Examination of the Academic and Scientific Complex of Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor
Koshmanov Mikhail P., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor
Komnatin Vladimir G., Forensic Expert at Adviser Centre of Legal Solutions, LLC

и в создаваемой им конструкции личной подписи. По мере роста навыков выполнения скорописного письма повышается и уровень навыка выполнения своей подписи, при условии наличия постоянной практики ее проставления в документах. Именно такое «параллельное» повышение навыков выполнения текстового письма и формирование подписи у одного и того же их исполнителя заканчивается (и это закономерно) более высокой степенью сформированности индивидуального подписного почерка по отношению к своему же скорописному почерку. Данный результат есть следствие того, что личная подпись представляет собой хотя и малый по объему, но специфический графический материал, состоящий из одной или нескольких букв и безбуквенных штрихов, а его частое исполнение способствует более высокому автоматизму движений, нежели в сравнимом по объему текстовом почерке.

Вместе с тем по мере формирования подписи не прерывается процесс «переноса» — «перехода» признаков из скорописного почерка конкретного индивидуума в его личную подпись. В криминалистической литературе данный процесс описан весьма поверхностно, к тому же перечень признаков скорописного почерка, проявившихся и в подписи того же лица, различается у разных почерковедов-исследователей. Такая ситуация объясняется отсутствием специальных экспериментальных исследований, целью которых стало бы получение ответов на следующие вопросы:

1) какие признаки почерка индивида из буквенно-цифрового письма чаще всего проявляются в его сформировавшейся подписи?

2) каковы особенности проявления общих и частных признаков скорописного почерка в подписном почерке исполнителя?

3) какие из признаков скорописного почерка, «перешедших» в сформированную подпись, оказывают существенное влияние на степень оригинальности ее конструктивного строения?

Для ответа на поставленные вопросы авторами было предпринято экспериментальное исследование, материалом для которого послужили данные ранее проведенного анкетирования (объем выборки составили подписи 1500 лиц) в целях изучения: а) процесса формирования современных подписей; б) степени оригинальности конструктивного строения современных подписей.

При заполнении анкет испытуемые, наряду с выполнением в них своих подписей, указывали также фамилию, имя, отчество и свой возраст. Кроме того, некоторые ответы на вопросы анкет не были формализованы, а предусматривали изложение самостоятельного оценочного суждения самими опрошиваемыми. Данные записи, наряду с Ф.И.О. их исполнителей, и послужили образцами скорописных почерков, которые нами исследовались одновременно с подписями тех же исполнителей. В эксперименте участвовали в равных пропорциях лица мужского и женского пола, средний возраст всех участников составил 32 года.

По результатам экспериментального исследования было установлено, что признаки почерка текстового письма зачастую проявляются и в подписном почерке одного и того же их исполнителя. Однако их переход в подписной почерке не является полным по объему, к тому же он имеет своеобразные особенности. Содержание данных особенностей будет раскрыто далее в ходе рассмотрения нами каждого признака в соответствии с существующей их классификацией [10, с. 184–254].

Первым в классификации значится признак «степень выработанности». Исходя из результатов нашего экспериментального исследования, чаще всего лица, имеющие высоковыработанный скорописный почерк, обладают и высоковыработанным подписным почерком. Аналогичная картина наблюдается и применительно к текстовым почеркам и подписям, выполненным иными по степени выработанности движениями (средней и малой). Исключение из данного «правила» иногда составляют средне выработанные скорописные почерки, исполнители которых могут иметь высоковыработанную подпись. Это наблюдается в ситуации, когда данному лицу приходится в силу определенных обстоятельств (например, характера производственной деятельности) выполнять свою подпись во много раз чаще, нежели буквенно-цифровые записи.

Как нами было установлено, в ходе экспериментального исследования только у лиц, имеющих высоковыработанные скорописные почерки, подписи имеют полностью оригинальные конструкции либо в отдельных их частях присутствуют черты оригинальности. Однако эксперименты показали, что такая взаимосвязь наблюдается лишь тогда, когда высоковыработанный скорописный почерк обладает только высокой координацией движений. Именно высокая

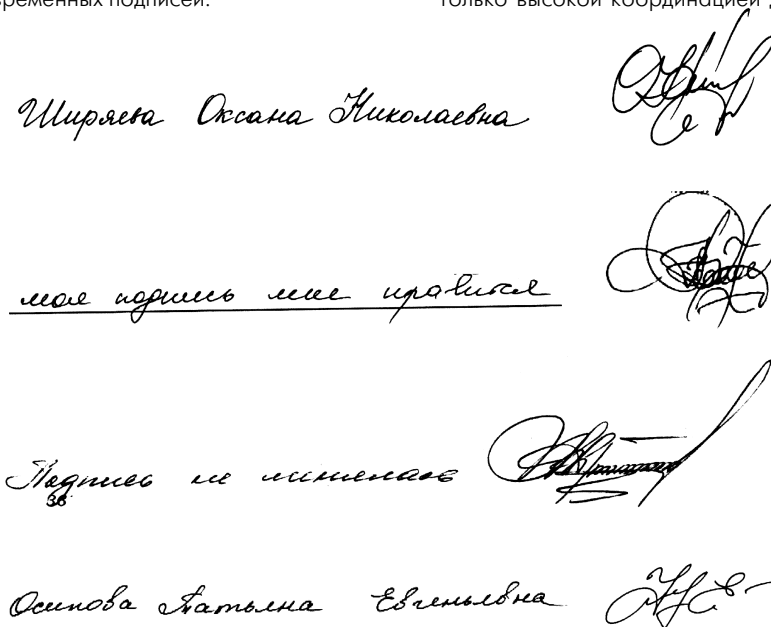

Рис. 1. Влияние высокой координации движений в выработанных скорописных почерках на оригинальность конструктивного строения подписей их исполнителей

координация движений в выработанных почерках, выражающаяся в правильном выполнении букв и их соединении между собой, стимулирует их исполнителей на формирование графического рисунка своих подписей с целью сделать его более информативным по содержанию, а также «красивым» по внешнему виду и оригинальным, то есть позитивно выделяющимся среди массы подписей других лиц (рис. 1).

Признак «строение почерка» в подавляющем большинстве случаев обозначает одинаковые характеристики как в скорописном почерке, так и в подписи одного и того же их исполнителя: большинство «владельцев» простых и упрощенных по строению скорописных почерков имеют и такие же по конструктивному строению подписи. Как правило, они не отличаются оригинальностью конструкции и зачастую малоинформативны. Последнее обстоятельство не позволяет эксперту-почерковеду при их идентификационном исследовании сделать вывод в категорической или в вероятной форме об исполнителе подписи.

В этой связи до настоящего времени не потерял актуальности перечень причин, сформулированных еще в 1958 г. В.Ф. Орловой, которые не позволяют эксперту-почерковеду решить поставленный перед ним вопрос по существу. На первых местах в этом списке стоят: а) краткость исследуемой подписи; б) ее конструктивная простота [7, с. 206]. На этом фоне исполнители, имеющие скорописные почерки усложненного строения, практически всегда имеют и усложненные по строению личные подписи, которые к тому же обладают и высокой степенью оригинальности конструктивного строения (рис. 2).

Подписи усложненного конструктивного строения, как и почерки аналогичного строения, явление довольно редкое в экспертной практике. И в экспериментальном авторском массиве они составили менее 5% от общего числа участников данной выборки. Однако, как справедливо отмечалось в криминалистической литературе, имеющие сложное строение подписи представляют собой наибольшую трудность для их воспроизведения другим лицом при подлоге документов [1, с. 146–147].

Что касается, рассмотренных выше двух групп общих признаков скорописного почерка, то их влияние на процесс формирования подписи было замечено и описано В.Ф. Орловой в криминалистической литературе более полувека назад. По ее мнению, «стремление к усложненности, оригинальности у отдельных лиц выражается как в текстовом письме, так и в подписи», «очень часто у лиц, имеющих усложненные почерки, вырабатываются вычурные, своеобразные подписи» [8, с. 307].

Следующим общим признаком почерка, изученным авторами в экспериментальном материале, стал признак, известный как «преобладающая форма движений». Проявление этого признака в подписях и возможность объективного определения его характеристик зависели от устойчивости и четкой выраженности признака в текстовом письме, позволяющих авторам однозначно определиться с его разновидностью, используемой пишущим при выполнении подписи. Кроме того, полнота перехода данного признака из буквенно-цифрового письма в подпись у одних и тех же исполнителей была связана с транскрипцией подписи. Наиболее полно этот признак, установленный нами в текстовом письме, проявлялся в подписях буквенной транскрипции практически у всех испытуемых (98%). В подписях, имеющих смешанную транскрипцию, признак присутствовал у 70% участников эксперимента. Реже наблюдался переход данного признака из текстового письма участвовавших в эксперименте лиц в их подписи, имеющие безбуквенные транскрипции (50%).

Влияние признака «преобладающая форма движений» на степень оригинальности конструктивного строения подписи авторы оценивают как не существенное. Однако если в подписи присутствует устойчивое разнообразие формы движений при выполнении отдельных ее частей, то в сочетании с другими признаками, например с признаком «относительная протяженность движений», значимость данного признака для степени оригинальности подписи резко возрастает (рис. 3).

В скорописных почерках выполнение овальных и полуовальных элементов букв и их соединений практически всегда осуществляется левоокружными по направлению движениями. Противоположное преобладающее направление движений — правоокружное в текстах встречается в единичных случаях. И в подписях преобладающее правоокружное направление движений тоже не распространено, однако используется чаще, чем в текстовом письме (3%). При этом оно зачастую наблюдается у лиц, выполняющих текстовое письмо левоокружными по направлению движениями. Конструкции данной группы подписей в силу указанного обстоятельства обладают элементами оригинальности. Степень оригинальности конструктивного строения таких подписей существенно возрастает, если отдельные их части выполняются противоположными по направлению движениями (рис. 4).

С.П. Папковым и А.П. Красновым было высказано мнение, что наклон основных штрихов подписи соответ-

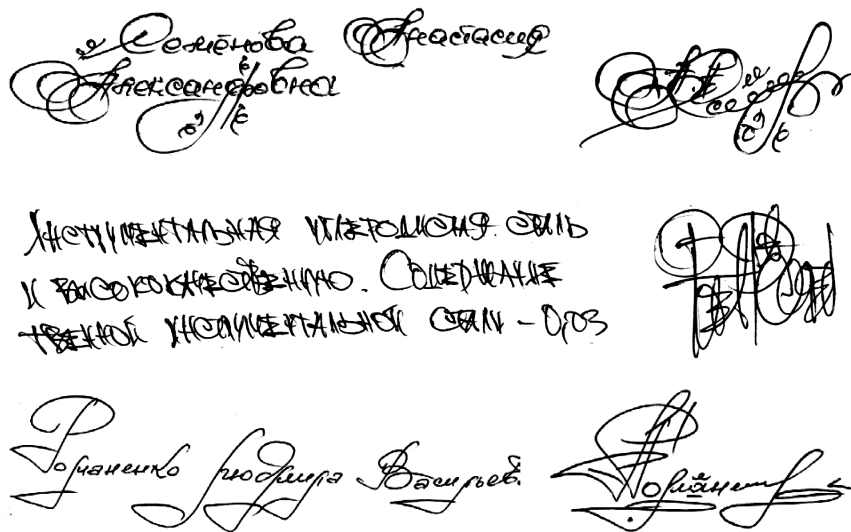

Рис. 2. Влияние скорописного почерка усложненного строения на конструктивное строение и на степень оригинальности подписи одного и того же исполнителя

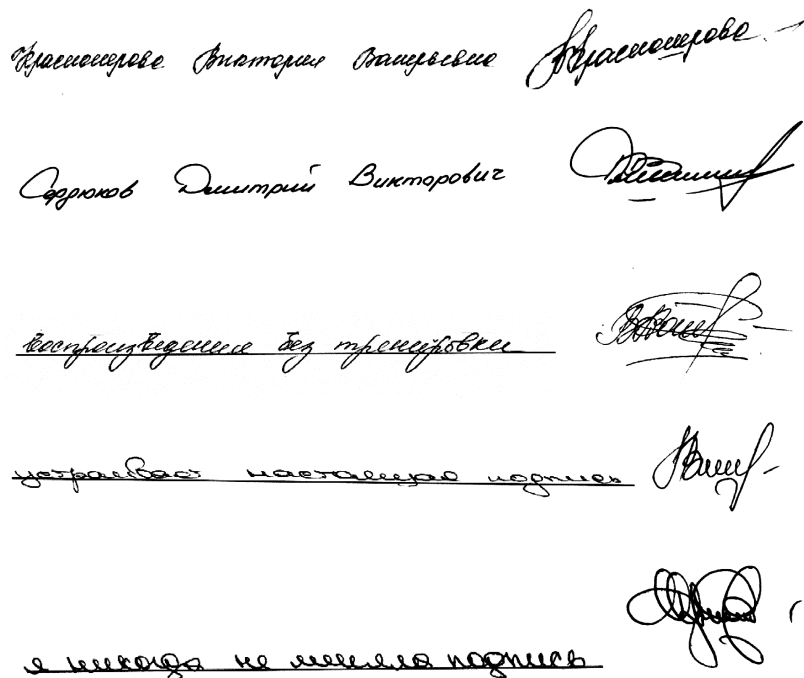
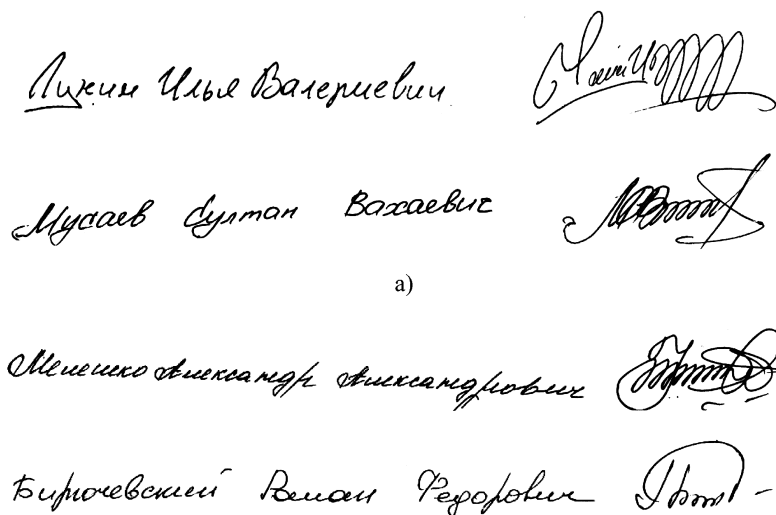

Рис. 3. Преобладающая форма движений в почерках и ее аналогичное проявление в подписях одних и тех же исполнителей

а)

Рис. 4. Различное преобладающее направление движений в текстовом почерке и в подписи одного и того же исполнителя:
а) в почерке — левоокружное, в подписи — левоокружное, переходящее в правоокружное;
б) в почерке — левоокружное, в подписи — правоокружное

стует наклону букв в скорописных почерках [9, с. 225]. Это суждение позднее в своих работах поддержал В.В. Липовский, который утверждал, что направление движений при выполнении основных элементов знаков (наклон) совпадает и в почерке, и в подписи одного и того же лица [11, с. 274]. Левый наклон в текстовом письме русской скорописи встречается гораздо реже, чем правый. Частота его встречаемости в подписях еще реже. По результатам авторского экспериментального исследования только у 60% лиц, выполняющих текстовое письмо с левым наклоном, присутствует аналогичный наклон и при выполнении основных элементов в их подписях (рис. 5).

У остальных участников нашего исследования, для которых характерно выполнение текстового письма с левым наклоном, в подписях наблюдается противоположное направление основных элементов — правый наклон (рис. 6).

Среди участников экспериментального исследования, имеющих правонаклонные почерки в текстовом письме, у значительной части лиц, попавших в выборку (90%), наблюдается соответствующий наклон и в их подписях. Для оставшейся части испытуемых характерны и «смешанный» наклон, и его отсутствие при выполнении ими своих подписей. Наклон подписи оказывает существенное влияние на ее оригинальность в том случае, если при выполнении всей подписи либо ее частей она (они) резко отличается от других подписей (или частей) по направлению движений основных элементов. При этом может иметь место как строго вертикальное положение, так и с наклоном всей подписи либо ее частей вправо или же влево [3, с. 140].

По мнению С.П. Папкина и А.П. Краснова, между признаком почерка «преобладающая протяженность движений по горизонтали (разгон)» существует выраженная взаимо-

связь с длиной подписи [9, с. 225]. Результаты нашего экспериментального исследования не подтвердили это суждение, поскольку только у 50% испытуемых имела место взаимосвязь их разгона почерка в текстовом письме с увеличенной по горизонтали протяженностью их подписей (рис. 7).

Однако данная взаимосвязь была выявлена между такой разновидностью признака «протяженность движений по горизонтали», как «расстановка букв (знаков)». Особенно ярко зависимость проявилась между почерками, имеющими малую (узкую) расстановку букв в текстовом письме (сжатый почерк) и в подписях их исполнителей, где имело место такое же расположение знаков, букв и безбуквенных штрихов (рис. 8).

Описывая совпадающие признаки в почерке и в подписи одного исполнителя, В.В. Липовский отнес к их числу и такой признак, как «протяженность движений по вертикали (размер, высота)». Однако данное утверждение не нашло подтверждения в результатах предпринятого нами экспериментального исследования. Совпадение размеров почерка скорописного письма и подписи одного и того же исполнителя встречалось менее чем в 45% случаев. У оставшейся части участников эксперимента имело место

несоответствие размера почерка по вертикали аналогичному размеру подписи. При этом подписи у данной категории испытуемых могли по отношению к размеру почерка выполняться с самыми различными размерными характеристиками как по вертикали, так и по горизонтали (рис. 9).

Более заметная связь была выявлена между размерами почерка и подписи по вертикали у одного и того же исполнителя. Она наблюдалась у лиц, имеющих малую высоту почерка. У 80% этой группы лиц размерные характеристики в почерке и высота в подписи совпадали (рис. 10).

Признаки подписи, характеризующие ее размерные особенности (размер, разгон), однозначно оказывают влияние на степень оригинальности ее конструктивного строения. Большие или малые размеры подписей (и их отдельных частей) уже отличают их от типовых современных подписей российских граждан [5, с. 84–96]. Наиболее существенное влияние на оригинальность подписи оказывают разные размерные характеристики по вертикали и по горизонтали, используемые «владельцами» подписей при выполнении как отдельных их частей, так и составляющих их отдельных элементов.

Проявление признака почерка «связность движений» в подписях (как было установлено в ходе экспериментального

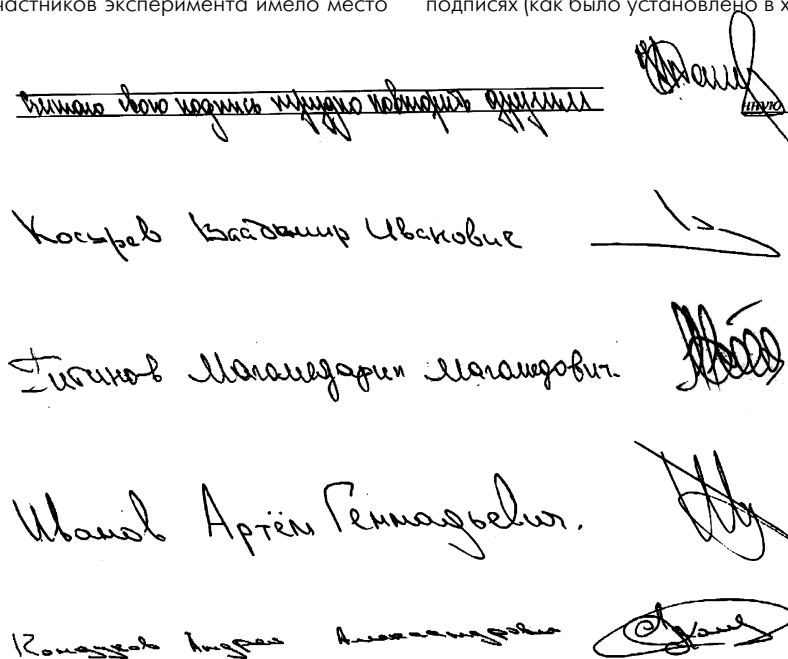

Рис. 5. Наличие левого наклона в почерке и в подписи одного и того же исполнителя

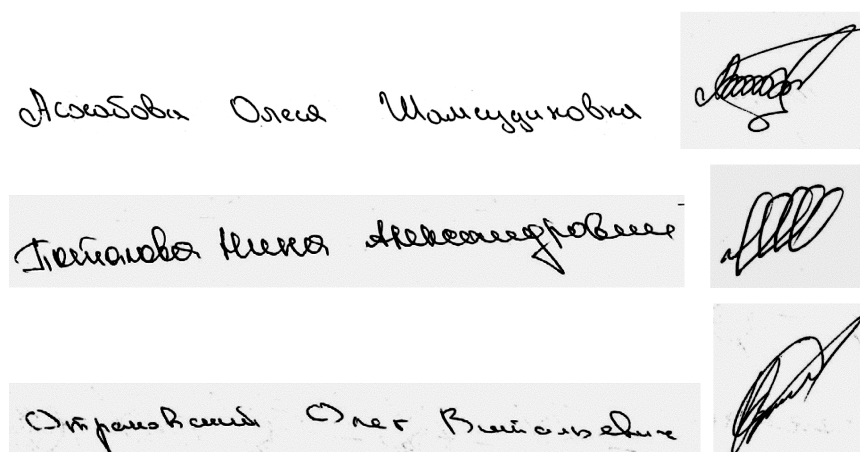

Рис. 6. Несоответствие наклона в почерке и наклона в подписи у одного и того же исполнителя

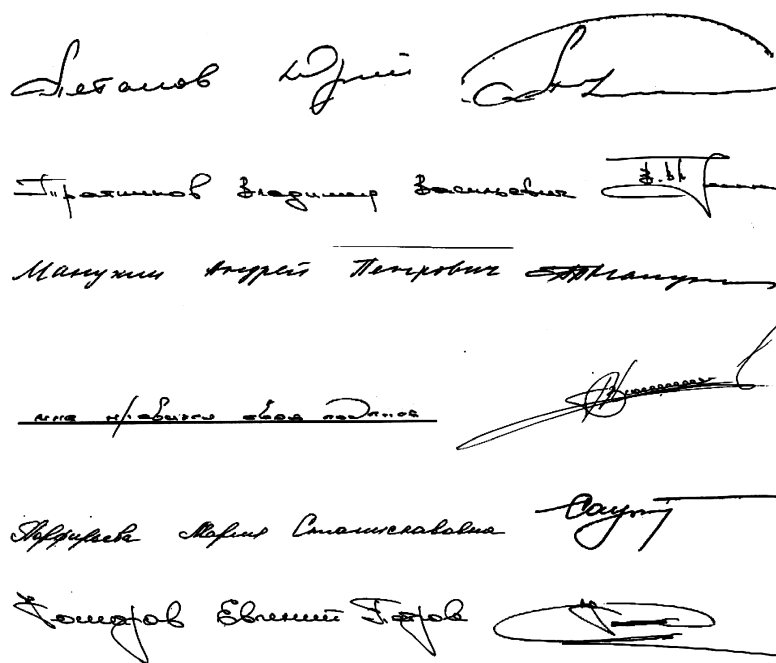

Рис. 7. Большая протяженность почерка по горизонтали (разгон) и увеличенная протяженность подписи также по горизонтали у одного и того же исполнителя

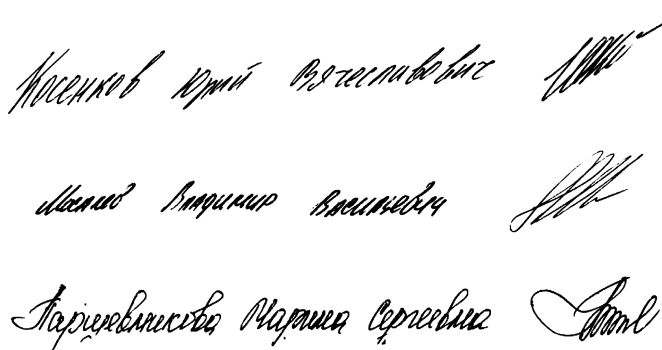

Рис. 8. Малая («узкая») расстановка знаков в сжатом почерке и аналогичная «сжатость» в подписи того же лица

исследования) зависит от степени выработанности подписного почерка и от транскрипции подписи. В подписях, выполненных высоковыработанными движениями и имеющих смешанную либо безбуквенную транскрипцию, как правило, присутствует связность движений высокой степени. В подписях буквенной транскрипции сплошная связность движений встречается не столь часто. Наибольшее совпадение по степени связности движений в текстовом письме и в подписи наблюдается в тех ситуациях, когда скорописный почерк и подпись имеют среднюю степень выработанности (либо несколько ниже ее), а также малую или же интервальную связность движений. При этом такие подписи обладают простой и упрощенной конструкцией независимо от вида их транскрипции (рис. 11).

Анализ результатов проведенных экспериментов показал, что признак «связность движений» существенного влияния на оригинальность конструктивного строения подписи не оказывает. Что касается признака «степень и характер нажима», поскольку все экспериментальные объекты выполнялись с использованием шариковых, гелевых либо капиллярных ручек, то и объективная оценка данного

признака в буквенных записях и подписях стала практически невозможной. Лишь в единичных подписях просматривалось усиление нажима в начальной или же в заключительной частях подписи по сравнению с текстовым письмом. Исходя из анализа подписей участников эксперимента, этот признак никакого влияния не оказал на оригинальность их конструктивного строения.

Авторами не анализировалась такая группа общих признаков текстового почерка, как «пространственное размещение движений и фрагментов рукописи». Причиной тому явилось выполнение испытуемыми большинства экспериментальных материалов на бумаге, не имеющей ни линовки, ни линий графления.

В криминалистической литературе наиболее полный перечень совпадающих признаков текстового письма и подписи одного и того же исполнителя приводится В.В. Липовским. К числу совпадающих общих признаков почерка и подписи им отнесены: преобладающая форма движений; протяженность движений по вертикали; направление движений; степень нажима; размещение относительно бланковой строки. Из числа частных признаков почерка совпадающими названы: сложность, форма, направление и протяженность движений [11, с. 274].

Исходя из результатов нашего экспериментального исследования, можно сделать однозначный вывод о том, что признаки скорописного почерка проявляются в подписях тех же исполнителей. Однако эта взаимосвязь значительно отличается от приведенной в криминалистической литературе. Нами установлено, что в большей степени в подписях проявляются следующие общие признаки текстовых почерков их исполнителей: выработанность, строение, преобладающая форма движений в отдельных ее разновидностях, левый наклон, расстановка письменных знаков, их малый размер. Проявление других общих признаков почерка в подписях хотя и имеет место, однако не отличается системностью (устойчивостью).

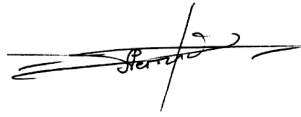
Оценивая системную совокупность результатов экспериментального исследования, можно уверенно утверждать, что в подписях могут присутствовать любые из всех групп частных признаков почерка (текстового письма), включая

Тиганов Евгений Викторович

Щемякина Наталья Анатольевна

Угаров Александр Александрович

Петров Юрий Фомичевич

Маичников Евгений Юрьевич

Рис. 9. Несоответствие размера и разгона почерка аналогичным признакам в подписи одного и того же исполнителя

Линков Дмитрий Николаевич

Боруховель Эльза Израиловна

Понов Василий Тимофеевич

Смирнов Алексей Валерьевич

Рис. 10. Малая протяженность почерка по вертикали (размер, высота) и такая же протяженность по вертикали в подписи одного и того же исполнителя

и такую редко встречаемую, как «последовательность движений». Однако «полнота» их проявления в подписях зависит от следующих факторов:

— во-первых, от транскрипции подписи — подписи, имеющие буквенные и смешанные транскрипции, в большем количестве будут иметь в своем графическом образовании частных признаков, совпадающих с признаками текстового письма их «владельца»;

— во-вторых, от объема (полноты) подписи — чем меньше по объему подпись, тем меньше в ней будет присутствовать групп частных признаков, перешедших из скорописного почерка;

— в-третьих, от строения подписи и почерка — сложные по строению почерки и подписи, выполненные одними и теми же лицами, всегда являются идентификационно информативными, поскольку содержат большой «набор» из групп частных признаков;

— в-четвертых, от степени выработанности почерка и подписи одного и того же их исполнителя — выработанный почерк и выработанная подпись чаще всего имеют совпадающие почерковые признаки, количество которых у разных их исполнителей проявляется индивидуально.

Анализ всего объема экспериментальных материалов позволил авторам выделить также и признаки почерка тек-

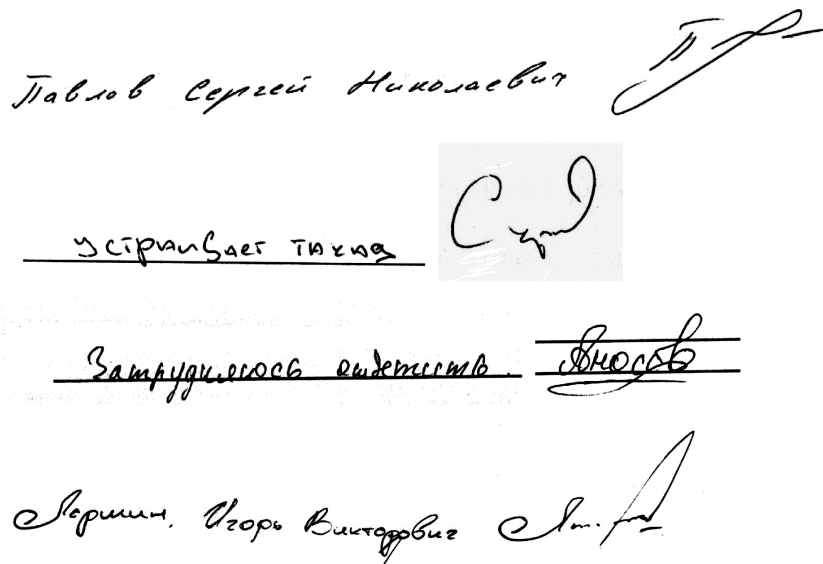

Рис. 11. Малая степень связности в почерке и в подписи одного и того же исполнителя

стового письма, которые в значительной степени повлияли на оригинальность конструктивного строения подписи того же исполнителя.

Из числа общих признаков самыми значимыми оказались высокая степень выработанности почерка, аналогичная координация движений, а также усложненное строение почерка. В определенной степени на оригинальность конструктивного строения подписи оказали влияние такие признаки почерка, как: сочетание противоположных по направлению движений; устойчивое различие в наклонах отдельных частей подписи; расстановка знаков (безбуквенных штрихов); разный размер по вертикали и горизонтали при выполнении отдельных составляющих частей и элементов подписи.

Частные признаки скорописного почерка в основной своей массе существенного влияния на оригинальность конструктивного строения подписи того же исполнителя не оказали, поскольку они являются детализацией общих признаков почерка. Однако некоторые из них, например так называемые в криминалистической литературе «броские» признаки, выделяют такую подпись среди подписей других лиц потому, что усиливают степень оригинальности ее конструктивного строения в целом либо отдельных частей подписи.

Список литературы

1. Ароцкер Л.Е. Основные вопросы криминалистического исследования подписей, выполненных с подражанием / Л.Е. Ароцкер // Теория и практика криминалистической экспертизы (криминалистическое исследование подписей). М. : Госюриздат, 1958. Сб. 3. С. 136–179.
2. Елисеев А.А. Подпись как почерковое начертание / А.А. Елисеев // Теория и практика криминалистической экспертизы: Криминалистическое исследование подписей. М. : Госюриздат, 1958. Сб. 3. С. 6–13.
3. Жигалов Н.Ю. Способы формирования подписи оригинальной конструкции российскими гражданами / Н.Ю. Жигалов, П.М. Кошманов, М.П. Кошманов, Н.А. Вилкова // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 133–142.
4. Кошманов П.М. Формирование современной подписи: этапность и специфичность процесса, основные закономерности и сопутствующие факторы / П.М. Кошманов, М.П. Кошманов, А.А. Шнайдер // Эксперт-криминалист. 2011. № 3. С. 4–7.
5. Кошманов П.М. Типы современных подписей российских граждан как критерии определения степени оригинальности конструктивного строения / П.М. Кошманов, М.П. Кошманов, В.Ю. Батулин, Н.А. Вилкова // Судебная экспертиза. 2016. № 1. С. 96–108.
6. Орлова В.Ф. Идентификационные признаки подписи / В.Ф. Орлова // Теория и практика криминалистической экспертизы (криминалистическое исследование подписей). М. : Госюриздат, 1958. Сб. 3. С. 27–69.
7. Орлова В.Ф. Основные положения почерковедческого исследования подписей / В.Ф. Орлова // Теория и практика криминалистической экспертизы (криминалистическое исследование подписей). М. : Госюриздат 1958. Сб. 3. С. 180–230.
8. Орлова В.Ф. Методика исследования подписей / В.Ф. Орлова // Теория и практика криминалистической экспертизы: Экспертиза почерка. М. : Госюриздат, 1961. Сб. 6–7. С. 303–357.
9. Папков С.П. Техника экспертизы документов / С.П. Папков, А.П. Краснов // Графическая экспертиза документов. 2-е изд. М., 1965. Вып. 1. 276 с.
10. Судебно-почерковедческая экспертиза // Общая часть. Теоретические и методические основы / под ред. В.Ф. Орловой. М. : Наука, 2006. 544 с.
11. Судебно-почерковедческая экспертиза / отв. ред. А.И. Манцетова [и др.]. М. : ВНИИСЭ, 1971. Ч. 2. 333 с.

Сравнительные характеристики следов близкого выстрела из пистолета Макарова на мишенях различной формы*

Латышов Игорь Владимирович,
начальник учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
latyshov@gmail.com

Донцов Дмитрий Юрьевич,
старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат технических наук
don3108@mail.ru

В статье приведены результаты сравнительного исследования следов близкого выстрела из пистолета Макарова на плоских мишенях и мишенях, устанавливаемых на съемный элемент с возможностью принимать требуемую форму наружной поверхности. Сделан вывод, что использование при экспериментальном отстреле мишеней, по форме наиболее приближенных к форме реального объекта в момент производства криминального выстрела, создает условия для более объективного отображения дополнительных следов выстрела.

Ключевые слова: огнестрельные повреждения, экспериментальная стрельба, пистолет Макарова, мишени сложной формы, дистанция выстрела.

The article gives results of comparative research of close range Makarov pistol shot traces on flat targets and targets installed on a withdrawable unit, which can take the required exterior shape. The authors conclude that experimental shooting at targets most resembling the real object shape at the moment of a criminal shot creates conditions for more objective display of additional shot traces.

Key words: gun wounds, experimental shooting, Makarov pistol, targets of complicated shape, shooting distance.

Успех экспертного исследования по установлению обстоятельств выстрела в немалой степени определяется возможностью выявить в необходимом объеме и правильно оценить имеющиеся на объекте основной и дополнительные следы выстрела. Изучению характеристик данных следов посвящен ряд работ в области судебной баллистики, включая расследуемые на практике факты стрельбы из огнестрельного оружия ограниченного поражения¹, использования приборов бесшумной и беспламенной стрельбы².

Однако в ряде случаев ситуацию осложняет то обстоятельство, что в результате выстрела поражается объект сложной формы, например, предплечье руки человека (рукав предмета одежды). Соответственно, все это требует учета при проведении экспертом сравнительных исследований, подготовке мишеней для экспериментальной стрельбы.

В криминалистике и судебной медицине в настоящее время выработаны рекомендации по получению соответствующего экспериментального материала, включая требования использования в качестве мишеней материала, схожего по своим свойствам с материалом объекта поражения. Гораздо сложнее технологически обеспечить

возможность подготовки мишеней нужной формы. Поэтому в ходе практических экспертных исследований мишень, как правило, фиксируется вертикально на жестком основании, а дистанция выстрела измеряется вручную при помощи метровой линейки. Отметим также, что именно при этих условиях получена преимущественная часть справочного материала о следах близкого выстрела, имеющегося сегодня в криминалистической литературе.

Для совершенствования технологии проведения экспериментальной стрельбы ранее в статьях нами было предложено использовать специальное устройство новой конструкции, которое позволяет получать более достоверную информацию о следах выстрела при исследованиях объектов со сложной формой наружной поверхности³. Работа данного устройства приведена в описании полезной модели⁴.

При проведении настоящего исследования экспериментальная стрельба проводилась из пистолета Макарова (ПМ) с малым настрелом, патронами 9x18 мм, как по плоским мишеням, так и по мишеням сложной формы. Мишени изготавливались размером 300x300 мм из гофрированного

* Comparative Characteristics of Close Range Makarov Pistol Shot Traces on Targets of Various Shapes

Latyshov Igor V., Head of the Academic and Scientific Complex of Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Assistant Professor

Dontsov Dmitry Yu., Senior Lecturer of the Department of Trace Evidence Analysis and Ballistics of the Academic and Scientific Complex of Forensic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Candidate of Technical Sciences

картона, поверх которого закреплялась ткань (белая бязь) малой и средней степени износа. Плоские мишени крепились вертикально на жесткое основание. Для придания мишеням сложной формы, за которую была принята форма плеча человека, использовали съемный элемент. Съемный элемент, являющийся основной отличительной особенностью описанного ранее устройства, представляет собой рамку размером 300х300 мм, выполненную из алюминиевой проволоки диаметром 5 мм, с расположенными по бокам проушинами для ее закрепления на стойках (рис. 1, а). Для придания требуемой формы (поверхности плеча), рамка прикладывалась к плечу человека и под действием мышечной силы изгибалась до нужного состояния (рис. 1, б).

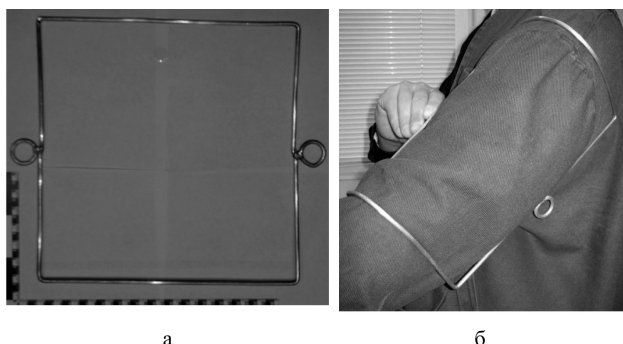

Рис. 1. Съемный элемент: а — в исходном состоянии, б — принявший требуемую форму

Так как в реальности пространственное расположение плеча (изогнутой мишени) относительно оружия (ПМ) может быть различным, то съемный элемент крепился на стойки в трех вариантах расположения (рис. 2). В первом случае мишень закрепили вертикально (рис. 2, а), во втором наклонили (рис. 2, б) на 45 градусов, а в третьем повернули (рис. 2, в) на 45 градусов относительно канала ствола оружия. После этого произвели экспериментальную стрельбу.

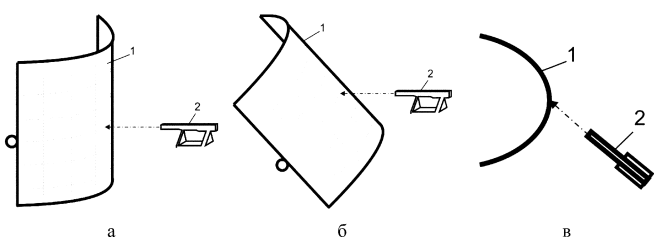

Рис. 2. Схемы расположения мишеней (1) и огнестрельного оружия (2) во время экспериментальной стрельбы: а — мишень закреплена вертикально, б — мишень наклонена под углом 45°, в — мишень повернута на угол 45° (вид сверху)

Экспериментальная стрельба проводилась с близких дистанций (1–30 см), на которых образуются характерные для данного оружия дополнительные следы выстрела⁵. Измерение дистанции производилось с помощью метровой линейки.

Сравнительный анализ следов близкого выстрела, образованных на данных видах мишеней, позволил установить следующее.

Значительные дефекты ткани 10х10 мм образуются при выстрелах с дистанций до 3 см на мишенях, расположенных вертикально, независимо от того, плоские они или изогнутые. Установлено, что на плоских мишенях образуются разрывы крестообразной формы с длиной лучей до 30 мм, а на изогнутых — линейной с горизонтальными лучами длиной до 45 мм (при малой степени износа ткани). Если степень из-

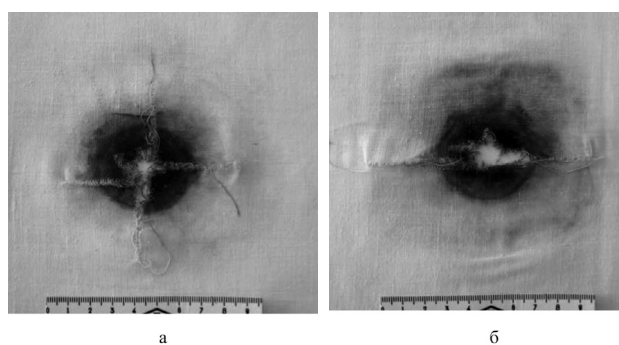

Рис. 3. Дефекты ткани и отложение копоти при выстреле с дистанции 1 см по плоской (а) и изогнутой (б) мишеням

носа ткани была средней, то характер повреждений менялся на крестообразно-лоскутный и линейно-лоскутный, а длина лучей увеличивалась до 40 и 55 мм соответственно (рис. 3). В обоих случаях края повреждений неровные, погружены в просвет повреждения. В краевой зоне повреждения множество нитей извлечено из структуры переплетения ткани.

Термическое действие пороховых газов и зерен наблюдается на дистанциях до 5 см включительно в виде слабо выраженных участков опаления поверхностного слоя нитей утка и основы, преимущественно в зоне краев повреждения. Механическое действие пороховых зерен наблюдается на дистанциях от 3 до 15 см.

Поясок обтирания начинает четко просматриваться на дистанциях от 15 см.

Копоть выстрела отлагается в виде двух зон — центральной и периферийной. Форма отложения копоти на плоских мишенях округлая, а на изогнутых близкая к овальной. Особенности отложения копоти на двух видах мишеней приведены в таблице.

На изогнутых мишенях, закрепленных по второму и третьему варианту, имеются некоторые отличия в следах выстрела относительно расположенных вертикально. На дистанции 1 см образуются разрывы крестообразной формы с длиной лучей до 30 мм. При втором варианте закрепления мишени длина вертикального луча в направлении воздействия пороховых газов может достигать 45 мм (рис. 4, а). На дистанциях до 10 см вокруг поврежденной наблюдается растяжение нитей утка и основы в направлении воздействия пороховых газов. При стрельбе по мишеням, закрепленным по второму варианту, на дистанции 10–15 см появляется третья зона отложения копоти (рис. 4, б), расположенная ниже повреждения.

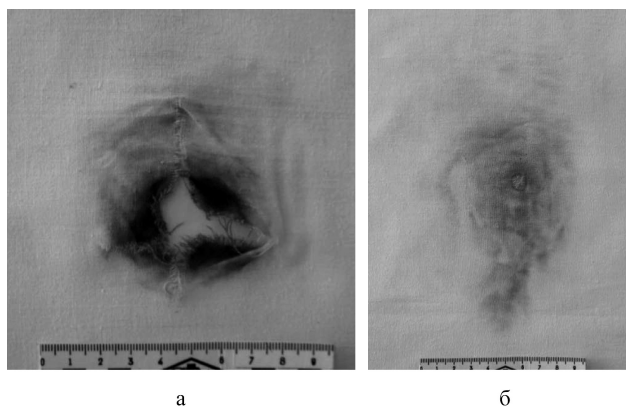

Рис. 4. Дефекты ткани и отложение копоти при выстреле с дистанции 1 см (а) и 15 см (б) по изогнутой мишени, наклоненной на 45° относительно канала ствола оружия

Особенности отложения копоти выстрела

Дистанция, см	Плоские мишени	Изогнутые мишени
1	Имеется выраженное отложение копоти округлой формы. Просматриваются центральная и периферийные зоны диаметром 45–55 мм и 100–110 мм соответственно. Отложение копоти в центральной зоне интенсивное, черного цвета, в периферийной — слабо выраженное, светло-серого цвета, округлой формы, с пробельными элементами островкового характера.	
		На расстоянии 45–50 мм от центра повреждения наблюдается более интенсивное отложение копоти в виде кольца темно-серого цвета.
5	Имеются вокруг повреждения. Центральная и периферийная зоны разделены. Отложение копоти в центральной зоне интенсивное, черного цвета, с четко наблюдаемыми участками в виде радиальных лучей. В периферийной зоне отложение копоти меньшей интенсивности, овальной формы серого цвета, дымчатого характера.	
	Форма округлая. Диаметр центральной зоны 70–80 мм. Диаметр периферийной зоны 140–150 мм. По краям периферийной зоны наблюдаются выраженные участки наслаения копоти в виде колец.	Форма овальная. Размеры центральной зоны: ширина до 55 мм, высота до 80 мм. Размеры периферийной зоны: ширина до 110 мм, высота до 155 мм. На расстоянии 35–50 мм от центра повреждения наблюдается более интенсивное отложение копоти овальной формы темно-серого цвета.
10	Имеются вокруг повреждения. Центральная и периферийная зоны разделены. Отложение копоти в центральной зоне средней интенсивности, темно-серого цвета. В периферийной зоне отложение копоти малой интенсивности, светло-серого цвета, островкового характера. На расстоянии 35–45 мм от центра повреждения наблюдается отложение копоти серого цвета в виде кольца с четырьмя выраженными дугообразными участками.	
	Форма округлая. Диаметр центральной зоны 25–40 мм. Диаметр периферийной зоны до 150–170 мм.	Форма овальная. Отложение копоти в центральной зоне округлой формы диаметром 30–40 мм. Размеры периферийной зоны: ширина до 110 мм, высота до 145 мм.
15	Имеются вокруг повреждения. Центральная и периферийная зоны разделены. Отложение копоти в центральной зоне средней интенсивности, темно-серого цвета, с отдельными участками светло-серого цвета. В периферийной зоне отложение копоти малой интенсивности, светло-серого цвета, облачного характера.	
	Форма округлая. Диаметр центральной зоны 40–50 мм. Диаметр периферийной зоны 155–170 мм. На расстоянии 35–45 мм от центра повреждения наблюдается отложение копоти серого цвета в виде кольца с четырьмя слабовыраженными дугообразными участками.	Форма овальная. Отложение копоти в центральной зоне округлой формы диаметром 40–45 мм. Размеры периферийной зоны: ширина до 100 мм, высота до 130 мм. На расстоянии 30–35 мм от центра повреждения наблюдается отложение копоти серого цвета в виде кольца с четырьмя слабовыраженными дугообразными участками.
20	Имеются вокруг повреждения. Центральная и периферийная зоны разделены. Отложение копоти в центральной зоне малой интенсивности, светло-серого цвета, с отдельными пробельными участками. Интенсивность отложения копоти в периферийной зоне слабая.	
	Форма округлая. Диаметр центральной зоны 40–50 мм. Диаметр периферийной зоны 130–140 мм. На расстоянии 40–50 мм от центра повреждения наблюдается более интенсивное отложение копоти в виде кольца светло-серого цвета.	Форма овальная. Отложение копоти в центральной зоне округлой формы диаметром 35–45 мм. Размеры периферийной зоны: ширина до 80 мм, высота до 130 мм. На расстоянии 30–45 мм от центра повреждения наблюдается более интенсивное отложение копоти овальной формы светло-серого цвета.
30	Имеются вокруг повреждения. Центральная и периферийная зоны не разделены. Отложение копоти крайне слабой интенсивности, светло-серого цвета, с отдельными пробельными участками.	
	Форма округлая. Диаметр зоны 125–135 мм.	Форма овальная. Ширина до 80 мм, высота до 140 мм.

Полученные результаты показывают, что при использовании плоских и изогнутых мишеней при проведении экспериментальной стрельбы имеются как совпадения, так и отличия характеристик дополнительных следов близкого выстрела. Совпадения наблюдаются в термическом действии пороховых газов и зерен, механическом действии пороховых зерен, а также в зональности отложения копоти выстрела. Различия наблюдаются в форме разрывов при выстрелах с дистанций до 3 см, форме зон отложений копоти и их размерах. При изменении пространственного расположения изогнутых мишеней относительно оружия в некоторых случаях наблюдаются различия в дополнительных следах выстрела.

Таким образом, установлено, что при стрельбе с дистанций от 1 до 30 см из пистолета Макарова по плоским мишеням и мишеням, устанавливаемым на съемный элемент, изогнутый по требуемой форме, наблюдаются как совпадения, так и различия морфологических характеристик огнестрельного повреждения и топографии отложения дополнительных следов выстрела.

Все это иллюстрирует влияние формы объекта поражения на отображение дополнительных следов выстрела. Поэтому использование при экспериментальном отстреле мишеней по форме, наиболее приближенных к форме реального объекта в момент производства криминального выстрела, обеспечивает получение более достоверной

информации по таким следам. Это будет способствовать повышению эффективности проводимого экспертного исследования по установлению обстоятельств выстрела.

Список литературы

1. Воронков Л.Ю. Криминалистическая характеристика поражающих свойств гражданского оружия самообороны с травматическими патронами / Л.Ю. Воронков // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 2–7.
2. Латышов И.В. Возможности устройства для экспериментальной стрельбы в обеспечении экспертных исследований по установлению обстоятельств выстрела / И.В. Латышов, Д.Ю. Донцов, В.А. Кузнецов // Судебная экспертиза. 2016. № 1 (45). С. 65–73.
3. Латышов И.В. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Часть общая : учеб. пособие / И.В. Латышов, И.И. Никитин, И.А. Чулков. Волгоград : ВА МВД России, 2011. 116 с.
4. Латышов И.В. Устройство для экспериментального отстрела стрелкового огнестрельного оружия и его роль в обеспечении экспертных исследований по установлению обстоятельств выстрела / И.В. Латышов, Д.Ю. Донцов // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16 (№ 2). С. 191–197.
5. Ситников А.В. Дульные газодинамические устройства огнестрельного оружия и следы выстрела на преграде / А.В. Ситников // Эксперт-криминалист. 2007. № 4. С. 12–18.

6. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Ч. 2. 9,0 мм пистолет конструкции Макарова : справ.-методич. пособие / И.В. Латышов [и др.]. Волгоград : Перемена, 2002. 80 с.

- ¹ Воронков Л.Ю. Криминалистическая характеристика поражающих свойств гражданского оружия самообороны с травматическими патронами // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 2–7.
- ² Ситников А.В. Дульные газодинамические устройства огнестрельного оружия и следы выстрела на преграде // Эксперт-криминалист. 2007. № 4. С. 12–18.
- ³ См.: Латышов И.В., Донцов Д.Ю., Кузнецов В.А. Возможности устройства для экспериментальной стрельбы в обеспечении экспертных исследований по установлению обстоятельств выстрела // Судебная экспертиза. 2016. № 1 (45). С. 65–73 ; Латышов И.В., Донцов Д.Ю. Устройство для экспериментального отстрела стрелкового огнестрельного оружия и его роль в обеспечении экспертных исследований по установлению обстоятельств выстрела // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16 (№ 2). С. 191–197.
- ⁴ Устройство для экспериментальной стрельбы: пат. 146737 РФ, МПК7 F41 J1/00 / И.В. Латышов, Д.Ю. Донцов, В.А. Васильев ; заявитель и патентообладатель ВА МВД России. № 2014127038/28; заявл. 02.07.2014; опубл. 20.10.2014, Бюл. № 29.
- ⁵ См.: Латышов И.В., Никитин И.И., Чулков И.А. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Часть общая : учеб. пособие. Волгоград : ВА МВД России, 2011 ; Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах. Ч. 2. 9,0 мм пистолет конструкции Макарова : справ.-метод. пособие / И.В. Латышов [и др.]. Волгоград : Перемена, 2002.

Возможности современной лингвистической экспертизы, проводимой в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации*

Назарова Татьяна Владимировна,
начальник отдела фоноскопических, лингвистических
и автороведческих экспертиз ЭКЦ МВД России,
полковник полиции
tnazarova2@mvd.ru

Громова Анастасия Викторовна,
старший эксперт отдела фоноскопических, лингвистических
и автороведческих экспертиз ЭКЦ МВД России,
майор полиции, кандидат филологических наук
agromova7@mvd.ru

В статье рассмотрены направления развития лингвистической экспертизы в органах внутренних дел. Затронут вопрос целесообразности проведения психолого-лингвистической экспертизы с учетом исследуемого материала и сфер компетенции лингвиста и психолога.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, психолог, лингвист.

In the considered directions of the development of linguistic expertise in the interior. Discussion on the feasibility of psycho-linguistic examination taking into account the investigated material and the areas of competence of a linguist and psychologist.

Key words: linguistic examination, psychologist, linguist.

В 2005 г. в перечень экспертиз, выполняемых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (далее — ЭКП), был введен новый вид экспертизы — лингвистическая экспертиза. Лингвистическая экспертиза — это исследование текстов в целях решения задач смыслового понимания и определения в них криминалистически значимой информации: наличия или отсутствия оценки лица или группы лиц, объединенных по признакам расы, национальности, языка, происхождения или иным признакам; побуждения к совершению действий; определения ролей и функций коммуникантов; выявления значения скрытых элементов текста либо их характеристик, а также о каких действиях и их субъектах, событиях и участниках, а также обстоятельствах действий или событий идет речь.

На базе ЭКЦ МВД России в 2007 г. в рамках научно-исследовательской работы были установлены и описаны возможности лингвистического исследования устных и письменных текстов, предложены алгоритмы решения экспертных задач, сформулированы типовые вопросы (соотносимые с основными понятиями и статьями УК РФ), решение которых входит в компетенцию эксперта-лингвиста. В результате впервые в отечественной криминалистике была подготовлена «Типовая методика судебной лингвистической экспертизы» [5], которая на протяжении десяти лет успешно и эффективно применяется на практике.

Типовая методика судебной лингвистической экспертизы применима к любым текстам, имеющим криминалисти-

ческую значимость при раскрытии и расследовании преступлений. Таких, как угроза жизни и здоровью, склонение к совершению каких-либо преступных действий, распространение сведений, содержащих государственную тайну, дача или получение взятки, совершение в отношении несовершеннолетних развратных действий интеллектуального характера, распространение наркотических средств, а также при необходимости определения ролей и функций коммуникантов при расследовании преступлений, совершенных членами организованных групп, преступных сообществ и др.

С течением времени значительно расширился круг задач, решаемых экспертами-лингвистами. Это связано как с развитием законодательной базы, введением новых статей в УК РФ, так и с изменением характеристик криминалистически значимых текстов; отчасти обусловлено преобладанием дистанционных форм коммуникации, реализуемых посредством сети Интернет. Востребованность у инициаторов заданий в проведении данного вида экспертных исследований определяется в первую очередь значимостью использования заключений экспертов-лингвистов в качестве доказательств.

В рамках совершенствования научно-методического обеспечения ЭКП и адаптации методики к актуальным потребностям практики оперативных и следственных подразделений разработаны методические подходы к выявлению лингвистических признаков оправдания терроризма, нарушения права на свободу совести и вероисповеданий, реабилитации нацизма, призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации. Кроме того, к

* Peculiarities of Modern Linguistic Examination Performed in Forensic Subdivisions of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation
Nazarova Tatyana V., Head of the Department of Phonoscope, Linguistic and Authorship Examinations of the Forensic Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Colonel

Gromova Anastasia V., Senior Expert of the Department of Phonoscope, Linguistic and Authorship Examinations of the Forensic Centre of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major, Candidate of Philological Sciences

настоящему времени выработаны алгоритмы анализа поликодовых текстов, которые все чаще являются объектами, направляемыми на исследование.

Поликодовый текст — это особая разновидность текста, фактура которого состоит из двух неомогенных частей: вербальной (словесной) и невербальной (изобразительной, музыкальной), данные части образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее совокупность его прагматических свойств. Для исследования таких текстов требуется особый лингвистический инструментарий. С учетом возросшей потребности в исследовании поликодовых сообщений, в том числе экстремистской направленности, по заявке ЭКЦ МВД России был создан аппаратно-программный комплекс для анализа визуально-семантических объектов, с помощью которого эксперты могут корректно и, что особенно значимо, единообразно декодировать содержание актуальных семантически значимых невербальных компонентов анализируемого текста.

Лингвистическая экспертиза, как возможный источник доказательств, в практике раскрытия и расследования преступлений на протяжении своего существования проходит естественные этапы эволюции, реализация которых в государственных экспертных учреждениях протекает порозному. В частности, для решения вопросов, коррелирующих с преступлениями экстремистской направленности, в РФЦСЭ при Минюсте России сложилась экспертная практика исследования текстов посредством комплексной психолого-лингвистической экспертизы. В 2011 г. была разработана специализированная комплексная методика для решения указанной группы вопросов [4].

В данной методике утверждается безусловная обязательность привлечения психологов к анализу содержания (смысла) информационных материалов. Целесообразность данного подхода в научном и экспертном сообществе неоднократно являлась предметом оживленных дискуссий.

По мнению авторов «Методики экспертных исследований по делам о признании информационных материалов экстремистскими», подготовленной сотрудниками Научно-исследовательского экспертного Центра по изучению проблем экстремизма и коррупции Санкт-Петербургского государственного университета в 2012 г., участие экспертов-психологов сводится либо к оценочной интерпретации того, что хотел сказать автор текста, либо к прогнозу возможного воздействия содержания текста на читателя: «Однако такие результаты не могут быть предметом судебного разбирательства, тем более что исследование возможного понимания или вероятного воздействия текста на аудиторию чревато превращением экспертного заключения в субъективное, пристрастное рассуждение о возможных вторичных смысловых построениях из произвольно собранных отрывков текста» [2, с. 7].

Объектом исследования психолога является личность, однако личностные качества лица, создавшего текст, проявляются опосредованно — через сам текст, через языковые средства, которые традиционно и в полной мере анализируются методами лингвистики. Как показывает практика, обязательное привлечение к производству экспертиз, связанных с необходимостью исследования устного или письменного текста, экспертов, обладающих специальными знаниями в области психологии, не является мотивированным.

Данная позиция представляется логичной и оправданной, поскольку исследование смысловой направленности, включающей определение коммуникативной задачи и целевой установки информационных материалов, выраженных в словесной форме, относится к компетенции лингвистов, что закреплено в научных трудах ученых. Например, в работах В.Н. Ярцевой, Е.В. Падучевой, М.Г. Безяевой, И.М. Кобозевой, О.С. Иссерс и других.

Данное положение поддерживается позицией Верховного Суда РФ, выраженной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июля 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: «В необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов может быть назначено производство лингвистической экспертизы. К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.). В таком случае назначается производство комплексной экспертизы». С учетом разъяснений высшей судебной инстанции именно лингвистическая экспертиза (ее средства и методы) является основополагающей.

Считаем уместным процитировать пункт из Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 3 ноября 2016 г. «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». В качестве необходимых составляющих анализа ситуации указаны компоненты, оценка которых может быть осуществлена с привлечением специалиста в области лингвистической экспертизы (так как речь идет о традиционных объектах анализа, входящих в компетенцию лингвиста): «При решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней».

С учетом актуальных разъяснений позиции Верховного Суда РФ проведение комплексного психолого-лингвистического исследования материалов экстремистской направленности представляется избыточным и не мотивированным необходимостью решения типовых задач, которые эффективно решаются методами лингвистической экспертизы. Таким образом, в случаях, когда криминалистически значимым объектом выступает вербально выраженный текст, он в полной мере может быть исследован только лингвистом. Заключение эксперта-лингвиста достаточно для обеспечения доказательной базы, о чем свидетельствует практика судопроизводства.

Кроме вопросов, связанных с экспертным исследованием материалов экстремистской направленности, встречаются работы, в которых указывается на необходимость проведения психолого-лингвистической экспертной оценки оскорбительности словесных выражений.

В частности, в статье Т.П. Будяковой и Г.А. Воеводиной [1] рассматриваются вопросы обоснованности судебной лингвистической экспертизы и заключения эксперта-лингвиста и утверждается, что качество экспертного заключения существенно повышается при проведении комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы. По мнению авторов указанной статьи, при использовании чисто лингвистических подходов часто не достигается цель судебной экспертизы, которая заключается в объективном доказывании фактов.

Изложенные в статье позиции относительно субъективного характера выводов лингвиста, отсутствия у него инструментария для анализа ситуации реализации высказываний уязвимы и не соответствуют представлению о современной лингвистике как области науки. Аргументы в пользу

необходимости проведения именно комплексной психолого-лингвистической экспертизы по материалам, связанным с оскорблением, то есть унижением чести и достоинства другого лица, приводимые авторами, требуют критического осмысления.

Известно, что трудности, возникающие при судебном разбирательстве данной категории дел, зачастую связаны с необходимостью обоснования оскорбительности того или иного высказывания, направленного в адрес конкретной личности. В этой связи становится востребованным определение степени воздействия на конкретную личность в конкретных обстоятельствах конкретного высказывания, направленного в его адрес.

Авторы цитируемой статьи убеждают в возможности получения психологом данных о степени подобного воздействия. Однако вопрос, каким образом психолог, участвуя в проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы, только по тексту определит, что и насколько оскорбило человека и какие моральные страдания он претерпел, остается нераскрытым. Оценка потенциала воздействия того или иного текста без исследования непосредственно особенностей восприятия личности, на которую это воздействие оказано, не может быть корректной.

С учетом специфики дел, связанных с унижением чести и достоинства, представляется сомнительной ситуация, в которой при работе с конкретной личностью можно исследовать влияние словесных форм на чувство достоинства человека или, как указывают авторы статьи, оценить «оскорбительность выражения для конкретного лица, обладающего индивидуальной чувствительностью к отдельным высказываниям» [1, с. 3]. Для этого нужно проводить, в том числе, и экспериментальные исследования, то есть давать те или иные характеристики испытуемому лицу. Надо полагать, что в рассматриваемых ситуациях проведение именно комплексной психолого-лингвистической экспертизы не является целесообразным, поскольку данные исследования автономны, так как лингвист исследует текст, а психолог — личность.

Отметим, что в 2016 г. в РФЦСЭ при Минюсте России было подготовлено научно-информационное пособие «Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении» [3], в котором исследование текстов, порождаемых в рамках конфликтной коммуникации, относится к компетенции экспертов-лингвистов и не предполагает участие психолога.

Анализ практики назначения экспертиз указывает на очевидную потребность в исследовании контента интернет-пользователя, размещающего на своей странице разнообразные по содержанию и форме представления материалы (тексты, музыку, видео и др.). При работе с такими материалами могут быть востребованы специальные психологические знания, основанные на работе с личностью, актуальные, например, при анализе интересов, склонностей, направленности личности, диагностики психического состояния, эмоционального фона. В подобных ситуациях выход за пределы методики лингвистической экспертизы может коррелировать с привлечением к комплексному исследованию специалистов в области психологической экспертизы или авторской экспертизы, что на сегодняшний день реализовано в практике работы ЭКП.

В свою очередь, анализ коммуникативной ситуации реализации высказывания, смыслового содержания, коммуникативной целеустановки говорящего, определения формы, ситуативной уместности высказывания является предметом исследования эксперта-лингвиста, что априори входит в его компетенцию согласно профилю высшего образования в данной области знаний и может всесторонне и полно быть исследовано без участия психолога при производстве лингвистической экспертизы.

Не умаляя значимости и потенциала использования специальных психологических знаний при решении вопросов, касающихся, например, характеристики эмоционального состояния, выявления признаков повышенной враждебности автора, агрессивности, внушаемости, зависимости, тем не менее считаем, что привлечение специалиста в области психологии для проведения комплексных экспертиз и исследований не может иметь предписывающий характер. В случае необходимости получения комментария психолога при оценке следователем, прокурором или судом заключения эксперта по лингвистической экспертизе он может быть привлечен в статусе специалиста.

В заключение отметим — сегодня лингвистическая экспертиза является одним из перспективных направлений экспертной деятельности. Потенциал лингвистической экспертизы будет все больше раскрываться с учетом необходимости противодействия современным угрозам — информационным атакам, распространению экстремистской идеологии, вовлечению в террористическую деятельность, склонению несовершеннолетних к самоубийству, совершаемому с использованием современных технологий коммуникации киберпреступлениям, большинство из которых сопровождается наличием тех или иных текстов, порождаемых авторами и/или распространяемых разными лицами в условиях интернет-коммуникации.

Список литературы

1. Будякова Т.П. Судебная психолого-лингвистическая экспертная оценка оскорбительности словесных выражений / Т.П. Будякова, Г.А. Воеводина // Эксперт-криминалист. 2015. № 4. С. 3–5.
2. Методика экспертных исследований по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и практическое руководство / С.А. Кузнецов, С.М. Оленников. 2-е изд., испр. и доп. М. : Издательский дом В. Ема, 2014. 312 с.
3. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении : науч.-информ. пособие / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 63 с.
4. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по материалам, связанные с противодействием экстремизму / О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова, Т.Н. Секераж. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.
5. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы: Методические рекомендации / Е.А. Гримайло, Т.В. Назарова, Н.Ю. Мамаев, А.П. Коршиков и др. // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. канд. тех. наук Ю.М. Дильдина. М. : ЭКЦ МВД России, 2010. 568 с.

О результатах эксперимента «Поиск и восприятие информации о личности в сети Интернет и ее использование при расследовании преступлений»*

Олиндер Нина Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
olindernv@yandex.ru

Гамбарова Евгения Александровна,
ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
egambarova@yandex.ru

Описываются ход и результаты эксперимента, проведенного в 2016 г. авторами статьи со студентами 3-го курса юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева при освоении дисциплины «Криминалистика». Цель эксперимента — определить полноту, точность и скорость сбора информации о личности в сети Интернет. Особое внимание было уделено поиску и сбору открытой, доступной информации о личности. Выказаны предложения по использованию полученной информации при расследовании и предотвращении преступлений.

Ключевые слова: расследование преступлений, получение информации о личности, сеть Интернет, социальные медиа.

The article describes the procedure and results of an experiment conducted in 2016 by the article authors with 3rd year students of the Law Faculty of the Samara National Research University studying under the Criminalistics program. The aim of the experiment is determination of completeness, accuracy and speed of personal information collection in the Internet. Special attention is paid to the search and collection of open, available personal information. The authors make proposals on usage of the received information at crime investigation and prevention.

Key words: crime investigation, personal information receipt, Internet, social media.

В настоящее время изменился подход граждан к способам и формам общения. Отчасти это обусловлено развитием глобальной сети Интернет и формированием «виртуальных отношений». Все больший оборот набирает общение посредством социальных сетей и мессенджеров¹.

Российские ученые (В.Ю. Агибалов, В.Б. Вехов, Т.С. Волчецкая, А.М. Ишин, В.А. Мещеряков, Н.В. Олиндер, А.Б. Смушкин и др.) уделяют пристальное внимание криминалистическим и процессуальным аспектам процесса «виртуализации». Сегодня многие криминалисты, наряду с идеальными и материальными, выделяют третью группу следов — виртуальные следы². Одним из первых предложил использовать это понятие В.А. Мещеряков³, что вызвало критику со стороны некоторых ученых⁴ и способствовало продолжению дискуссии⁵.

Рост популярности социальных медиа (социальных сетей, мессенджеров, онлайн компьютерных игр и пр.)⁶, широкое распространение виртуальных баз данных, онлайн банкинга и других инструментов, используемых с целью более удобного и быстрого построения коммуникаций и получения/предложения услуг, приводит не только к необходимости нормативного регулирования данных отношений, но и обуславливает необходимость выработки новых криминалистических подходов к работе в виртуальном пространстве⁷.

В настоящее время не обязательно обладать специальными знаниями для получения информации о личности в сети Интернет. Вся информация, которую субъект размещает,

остается в сети. Удалить ее без использования специальных программ достаточно сложно. Для поиска информации об интересующем человеке необходимы минимальные сведения о нем: имя, телефон, e-mail и т.п.⁸

Зачастую по номеру телефона и имени можно узнать общую информацию не только о месте работы, но и о размещенных объявлениях и т.д. Это обусловлено тем, что при подаче объявления идет привязка «имя — телефон». В свою очередь, по дате объявления, региону, где оно было подано, состоянию продаваемого/покупаемого объекта (автомобиль, жилье и пр.) можно определить не только место жительства, но и уровень достатка и даже потребности человека (переехать, сменить работу и т.д.). Если в объявлении заявлен не один телефон, а несколько, то это автоматически расширяет возможности поиска: телефон может принадлежать супругу/супруге, т.е. появляется информация о семейном положении, контактах.

В резюме люди часто указывают реально существующие адреса электронной почты. По адресу электронной почты иногда можно определить возраст человека, когда логин имеет буквенно-цифровое значение, содержащее указание на определенный год (например, «...1976@ya.ru»), или срок действия ящика, когда указана дата, близкая к настоящему времени (например, «...2016@mail.ru»).

Наиболее информативными являются социальные медиа (социальные сети, онлайн игры и т.п.). Очевидно, что их можно использовать для получения криминалистически значимой информации при расследовании преступлений.

* On Results of Experiment "Search and Perception of Personal Information in the Internet and Its Usage at Crime Investigation"

Olinder Nina V., Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Faculty of the Samara National Research University

Gambarova Evgenia A., Teaching Assistant of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Faculty of the Samara National Research University

Для определения полноты, точности и скорости получения информации о личности в сети Интернет, а также алгоритма поиска и сбора открытой информации о личности авторами статьи был организован и проведен эксперимент «Поиск и восприятие информации о личности в сети Интернет и ее использование при расследовании преступлений». На основе поставленных целей были определены следующие задачи: провести поиск информации о заданных субъектах; сопоставить с информацией, полученной путем личного опроса; проверить полноту и достоверность собранной информации; разработать алгоритм поиска и сбора информации в сети Интернет.

Эксперимент проводился в течение 2016 г. в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева (далее — Самарский университет) на этапе освоения дисциплины «Криминалистика» студентами 3-го курса юридического факультета (очная форма обучения). В процессе поиска информации приняли участие 54 человека.

Исследовательская часть эксперимента была реализована в два этапа.

На первом этапе было упрощенное задание: собрать информацию о субъекте (без ее конкретизации). Задача — сопоставить объем и достоверность информации, полученной с помощью социальных медиа, и информации, полученной посредством опроса.

На втором этапе задание усложнили: в результате поиска информации в сети Интернет надо было собрать конкретный объем информации (выявить круг знакомых, определить местонахождение субъекта в различные периоды времени и т.п.).

На первом этапе эксперимента студенты были поделены на три группы. Им было дано задание собрать информацию об определенном человеке через социальные медиа и путем опроса. Предварительно у лиц, о которых надлежало собрать сведения, было получено согласие на участие в эксперименте.

Первый участник эксперимента, 27 лет, более 10 лет пользуется интернетом, восемь лет — социальными медиа; имел свыше пяти аккаунтов в различных социальных сетях (часть из них с ограниченным доступом); был участником различных форумов, имел научные публикации и несколько раз упоминался в средствах массовой информации.

Второй участник эксперимента, 38 лет, более 10 лет пользуется интернетом, восемь лет — социальными медиа; имел два аккаунта в социальных сетях; являлся участником профессиональных форумов, имел более 60 научных публикаций.

Третий участник эксперимента, 45 лет, не был активным пользователем интернета, не имел аккаунтов в социальных сетях.

Каждая группа студентов была поделена на две подгруппы: одна — собирала информацию посредством опроса, а вторая — используя исключительно социальные медиа. Участники эксперимента должны были подробно описывать тактику поиска информации, а также фиксировать время, потраченное на выполнение задания. Итогом выполнения задания должно было стать портфолио субъекта, о котором собирали сведения. Обмениваться результатами опросов и результатами работы с социальными сетями не разрешалось, не разрешалось также пользоваться специальными программами для поиска информации в социальных сетях. На выполнение задания было дано семь дней.

По итогам первого этапа эксперимента выяснилось следующее.

Время, затраченное на поиск информации о человеке посредством опроса, составило около трех рабочих дней (для составления портфолио в среднем были опрошены три человека). На поиск информации о человеке в интернете было потрачено около двух с половиной часов.

Полнота портфолио тоже оказалась разной. Так, участники эксперимента, проводившие опрос, нашли информацию об активных пользователях сети Интернет в гораздо меньшем объеме, чем те, кто анализировал социальные медиа. В частности, участникам эксперимента, которые искали информацию в сети Интернет, удалось узнать о вредных

привычках человека, наиболее часто посещаемых местах, определить близкое окружение, узнать достаточно подробную информацию о роде деятельности, материальном положении и др.

Однако о том, кто не являлся активным пользователем интернета, нашли больше информации с помощью опроса. При этом она отличалась от той, которую получили группы, работавшие в сети Интернет. Несмотря на то что третий участник эксперимента не являлся пользователем социальных сетей, студентам через интернет удалось узнать информацию о его родителях и роде их деятельности; об автомобилях, находящихся в собственности; об отсутствии регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и т.п. сведения.

Таким образом, уже на первом этапе эксперимента подтвердилось предположение, что с использованием сети Интернет можно получить более полный объем информации.

На втором этапе эксперимента к поиску информации были привлечены другие студенты, не задействованные на первом этапе. Их разделили на две группы.

Для первой группы задание состояло в поиске информации о тех же людях, что и на первом этапе эксперимента, но был уточнен круг искомой информации. Помимо Ф.И.О. (в том числе предыдущих, с указанием даты и причины их смены) требовалось получить информацию о: месте проживания и обо всех предыдущих местах проживания; семейном положении; членах семьи (супругах, детях, родителях); близком окружении (Ф.И.О., возраст знакомых, место проживания); месте работы; увлечениях; членстве в различных организациях; общих знакомых.

Время, потраченное на поиск информации о человеке в социальных сетях, как и на первом этапе эксперимента, составило 2–3 часа. На получение информации методом опроса были потрачены три дня. Причем количество опрошенных возросло: с трех человек на первом этапе до восьми — на втором. Среди лиц, о которых собирали информацию, один человек проживал в Самаре только три года. Вероятно, поэтому информацию о смене фамилии, близком окружении, общих знакомых установить не удалось.

С помощью опроса не удалось получить полной и достоверной информации об участниках эксперимента (например, информацию о родителях и подробную информацию о близком окружении). В то же время информация, найденная в социальных сетях, не всегда соответствовала действительности (например, в части определения материального положения субъекта).

Второй группе было дано задание исключительно с помощью сети Интернет найти информацию о совершенно незнакомых людях, проживающих в разных городах России, с различной степенью активности в сети (разрешение на поиск и сбор информации у них было получено). Требования к поиску информации были такими же, как и для участников первой группы, но необходимо было также найти общих знакомых и составить портрет искомого субъекта.

По результатам поиска второй группой была собрана достаточно полная информация (время поиска 4–5 часов). Студенты смогли установить общие сведения о лице: место проживания, увлечения, место работы, места поездок (отдых, рабочие поездки), в каких группах состоит лицо, круг общих знакомых и т.д. Однако, как и в первой группе, не во всех случаях смогли установить факты смены фамилии, выявить родственные отношения, уровень материального благополучия.

Примечательно, что те участники эксперимента, которые имели аккаунт в социальной сети «ВКонтакте», смогли найти общих знакомых и, как правило, в цепи не более четырех человек.

В заключительной части исследования студентам предлагалось описать методику получения информации о человеке в сети Интернет. Обобщенно алгоритм поиска информации выглядит следующим образом:

1. Запрос о человеке в поисковых системах Google и Yandex по фамилии, имени, отчеству.

2. Использование сайта «Яндекс.Люди».
3. Поиск по номеру телефона и по адресу электронной почты.

4. Поиск информации на сайтах Главного управления по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России, Федеральной налоговой службы, Федеральной службы судебных приставов России и т.д.

5. Поиск по фото.

6. Поиск информации напрямую через социальные сети.

Касательно поиска информации по социальным сетям можно выделить следующий алгоритм: поиск страницы и анализ имеющейся информации (изучение данных на странице, просмотр фотографий, комментариев пользователя и гостей страницы); поиск по «лайкам», поиск сторонних ссылок (например, на Instagram).

Поиск общих знакомых студенты осуществляли так: заходили в список друзей и выбирали первого в списке (программа автоматически ранжирует друзей, начиная с наиболее близких знакомых); эту процедуру проделывали до тех пор, пока не найдется общий знакомый (не следует принимать во внимание публичные и рекламные страницы).

Проведенное исследование показало, что работа с социальными сетями не требует специальных знаний, но при этом позволяет собрать достаточно полную информацию о людях и событиях.

Очевидно, что работа с социальными сетями в ходе оперативно-розыскной деятельности необходима, так как позволяет в кратчайшие сроки получить максимальное количество информации об интересующем объекте или событиях. Полученная таким образом информация может быть полезна для следователя в качестве ориентирующей либо вспомогательной.

Анализ социальных сетей крайне важен с точки зрения криминалистической профилактики, так как позволяет получить информацию о готовящихся преступлениях (например, с помощью мониторинга размещенных постов, жалоб пользователей социальных сетей; посредством оперативного, в данном случае — виртуального, внедрения в группы, занимающиеся криминальной деятельностью).

Также социальные медиа можно использовать для привлечения общественности к поиску криминалистически значимой информации. Например, в ситуации поиска без вести пропавших людей (с размещением фотографии и информации об искомом человеке в открытых источниках). Исследования, проведенные в США, показывают, что полицейские охотнее и быстрее выполняют свою работу по поиску информации, когда общественность помогает им при проведении расследования⁹.

Итоги достаточно простого эксперимента, проведенного авторами статьи, свидетельствуют о том, что сегодня криминалистика стоит на пороге разработки новых компьютеризированных алгоритмов получения и анализа информации, содержащейся в социальных медиа.

Список литературы

1. Баев О.Я. Криминалистика: позавчера, вчера, сегодня, завтра (Вместо предисловия) / О.Я. Баев // Воронежские криминалистические чтения. 2016. № 1 (18). С. 5–8.
2. Гамбарова Е.А. Проблемы и перспективы применения социальных медиа и мессенджеров в криминалистике / Е.А. Гамбарова // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2 (1). С. 145–151.
3. Дубинин Л.Г. Осмотр следов преступления в сфере информационных технологий / Л.Г. Дубинин // Эксперт-криминалист. 2017. № 1. С. 12–13.
4. Ищенко Е.П. Актуальные проблемы развития российской криминалистики XXI века: стратегия и тактика развития : кол. монография / отв. ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2016. С. 3–29.

5. Жарова А.К. Особенности процесса правовой идентификации человека в Интернете / А.К. Жарова // Информационное право. 2016. № 3. С. 30–35.
6. Колычева А.Н. К вопросу об использовании ресурсов сети Интернет в преступной деятельности / А.Н. Колычева // Российский следователь. 2016. № 14. С. 42–44.
7. Мещеряков В.А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» / В.А. Мещеряков // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1. (4). С. 28–34.
8. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Мещеряков. Воронеж, 2001. 39 с.
9. Олиндер Н.В. Виртуальная собственность как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем / Н.В. Олиндер // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (26). С. 206–212.
10. Холевчук А.Г. О необходимости внедрения средств криптографической защиты информации в уголовный процесс РФ / А.Г. Холевчук // Российский следователь. 2016. № 14. С. 9–11.
11. Черкасов В.Н. Еще раз о терминах / В.Н. Черкасов // Информационная безопасность регионов. 2008. № 2 (3). С. 70–72.
12. Черкасов В.Н. «Виртуальные следы» в «кибернетическом пространстве» / В.Н. Черкасов, А.Б. Нехорошев // Судебная экспертиза : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов : СЮИ МВД России, 2003. С. 127–130.
13. Шорин И.Ю. Особенности следов компьютерных преступлений / И.Ю. Шорин, Я.С. Шатило // Информатика в судебной экспертизе : сб. трудов. Саратов : СЮИ МВД России, 2003. С. 117–126.

¹ Гамбарова Е.А. Проблемы и перспективы применения социальных медиа и мессенджеров в криминалистике // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2 (1). С. 145–151.

² Баев О.Я. Криминалистика: позавчера, вчера, сегодня, завтра (Вместо предисловия) // Воронежские криминалистические чтения. 2016. № 1 (18). С. 7.

³ Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 9–10 ; Его же. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1. (4). С. 28–34.

⁴ См., например: Шорин И.Ю., Шатило Я.С. Особенности следов компьютерных преступлений // Информатика в судебной экспертизе : сб. трудов. Саратов : СЮИ МВД России, 2003. С. 117–126 ; Черкасов В.Н., Нехорошев А.Б. «Виртуальные следы» в «кибернетическом пространстве» // Судебная экспертиза : межвуз. сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов : СЮИ МВД России, 2003. С. 127–130 ; Черкасов В.Н. Еще раз о терминах // Информационная безопасность регионов. 2008. № 2 (3). С. 70–72.

⁵ См., например: Дубинин Л.Г. Осмотр следов преступления в сфере информационных технологий // Эксперт-криминалист. 2017. № 1. С. 12–13 ; Холевчук А.Г. О необходимости внедрения средств криптографической защиты информации в уголовный процесс РФ // Российский следователь. 2016. № 14. С. 9–11.

⁶ Олиндер Н.В. Виртуальная собственность как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (26). С. 206–212.

⁷ О понятии «виртуальное пространство» см., например: Ищенко Е.П. Актуальные проблемы развития российской криминалистики // Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития : кол. монография / отв. ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2016. С. 11–13.

⁸ См., например: Жарова А.К. Особенности процесса правовой идентификации человека в Интернете // Информационное право. 2016. № 3. С. 30–35 ; Колычева А.Н. К вопросу об использовании ресурсов сети Интернет в преступной деятельности // Российский следователь. 2016. № 14. С. 42–44.

⁹ Полиция США ловит преступников соцсетями // Сайт Российской газеты [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/09/16/sozseti-site.html> (дата обращения: 31.07.2017).

Современные проблемы и пути экспертного решения вопроса о намеренном изменении подписи с маскировкой*

Сысоева Людмила Алексеевна,
преподаватель ИПК НП «Палата судебных экспертов»,
кандидат юридических наук
sisluda88@mail.ru

Статья посвящена одной из важнейших проблем современного судебного почерковедения — разработке методологической основы экспертного исследования намеренного изменения подписи с маскировкой (так называемый автоподлог). Впервые в практике судебного почерковедения предложена целостная система типологии автоподлога. Рассмотрены методические вопросы использования заключений экспертов-почерковедов в современной отечественной судебной практике.

Ключевые слова: судебная экспертиза, почерк, подпись, судебное почерковедение, заключение эксперта.

The article is dedicated to one of the most important issues of modern forensic graphology — development of a methodological basis of expert research of an intentionally disguised signature (so-called auto-forgery). An integral system of auto-forgery typology is proposed for the first time ever in the forensic graphology practice. The author reviews methodological issues of usage of handwriting expert opinions in modern national judicial practice.

Key words: forensic examination, handwriting, signature, forensic graphology, expert opinion.

Интерес экспертов-почерковедов к решению вопросов, связанных с исследованием намеренно измененных подписей — так называемого автоподлога, в последние годы растет. По уголовным, гражданским и арбитражным делам увеличивается число документов, содержащих фальсификации подписей с признаками автоподлога.

Тема распознавания автоподлогов и идентификации намеренно измененных подписей актуальна и для государственных судебных экспертов, и для частнопрактикующих специалистов негосударственных организаций. К сожалению, в силу разобщенности указанных категорий экспертов мы не можем проанализировать статистику. Однако, опираясь на практику работы негосударственных экспертов в Санкт-Петербурге, можно наблюдать стойкую тенденцию к росту фальсификатов документов с намеренно измененными подписями. В то же время методология исследования квалифицированных подделок подписей (а фальсификация документов с помощью намеренного изменения личной подписи несомненно относится к таковым) остается неизменной и не учитывает современных реалий.

В результате сложилась ситуация, когда по гражданским и арбитражным делам, связанным с завладением имуществом или денежными средствами в крупных размерах, увеличилось число фальсификатов документов высокого качества. Это указывает на возросший интеллектуальный уровень их изготовителей и требует нового экспертного подхода к проведению исследований.

Однако прежде всего следует уточнить, что такое — современная подпись как явление.

В результате исследования истории развития «русской подписи», проведенного автором статьи совместно с Д.О. Цыпкиным, было установлено, что подпись — не только рукопись, которая выступает в качестве личного (удостоверительного) знака, но и объект, рельефно отражающий массовые социокультурные процессы, имеющие множество составляющих: это и программа обучения письму, юридическая грамотность населения, культура делопроизводства,

объем документооборота и даже мода (например, на аббревиатуры)¹. Сегодня можно констатировать, что «русская подпись» имеет свою историю, свои конструктивные особенности, которые затрудняют ее криминалистическое исследование и делают сложным объектом даже для отечественных почерковедов, вооруженных обоснованной и проверенной временем методикой исследования почерка и подписей.

Основная особенность криминалистического исследования подписи заключается в том, что процесс ее формирования значительно превосходит по сложности процесс формирования письменных навыков и предполагает использование специального методологического подхода. Соответственно, решение идентификационной задачи при исследовании автоподлога отличается повышенной сложностью. Эксперт должен изучить подпись конкретного лица с учетом особенностей ее формирования, провести исследование спорной подписи с целью установления исполнителя и при этом — уметь правильно оценивать признаки необычного выполнения, выделяя признаки намеренного внесения изменений.

Для выявления автоподлога необходимо установить мотивацию изменений. В известной специалистам работе В.В. Томилина о намеренном изменении почерка сказано: «При маскировке почерка пишущий сознательно изменяет привычные для него движения, которые вследствие их автоматизации являются весьма устойчивыми и труднопреодолимыми... В рукописях, выполненных с маскировкой признаков почерка, всегда имеются две группы признаков — признаки, оставшиеся без изменения, и признаки измененные... При умышленном же искажении почерка автоматизм письма обычно нарушается, так как пишущий вынужден прибегать к зрительному контролю своего движения. Сознание при этом будет контролировать не весь процесс письма в целом, в частности — отдельные движения при выполнении букв и их элементов, что приводит к замедлению процесса письма, к появлению в рукописи признаков сниженной координации и замедленности движений»².

* Modern Problems and Expert Solutions of Intentionally Disguised Signature Issue

Sysoeva Lyudmila A., Lecturer of the Institute for Continuing Education Non-Profit Partnership "Chamber of Forensic Experts", Candidate of Legal Sciences

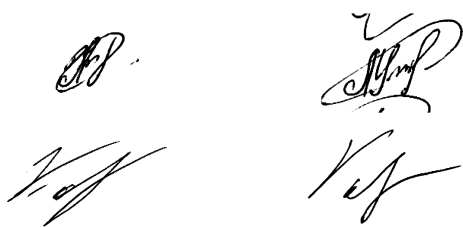
Процедура намеренного изменения подписи с целью маскировки сложнее, чем при изменении почерка. Исполнителю приходится вносить изменения в свою (преимущественно краткую) подпись, стереотип которой создан им самим и доведен до автоматизма в процессе многократного ее выполнения. При этом задача исполнителя автоподлога — в присутствии других лиц (возможно, знакомых с вариантом подлинной подписи) свободно и быстро выполнить подпись, близкую по составу к его подлинной, но с изменениями, которые сделают ее не определяемой в качестве подлинной. Исполнитель стремится направить исследование специалиста в сторону отрицательного вывода, то есть в сторону принятия решения о выполнении подписи другим лицом.

Решая задачу изменения и маскировки собственной подписи, сегодня исполнитель прибегает как к известным способам изменений наклона, протяженности движений и т.д. и (или) «броских» частных признаков, так и к новым способам, например, к смене привычно пишущей руки. В результате измененные признаки носят демонстративный характер и легко выявляются экспертами. Их очевидный характер приводит эксперта к отрицательному выводу (этим нередко грешат те, кто не обладает необходимым в судебном почерковедении профессиональным опытом).

В свое время рассмотренные В.В. Томилиным способы намеренного изменения почерка с целью маскировки (скорописная маскировка, маскировка с подражанием буквам печатного шрифта, письмо левой рукой)³ нашли отражение в современных методических пособиях для экспертов⁴.

По мнению автора статьи, автоподлоги относятся к варианту скорописного изменения, в связи с чем можно предложить новую систему их типологического разделения по способу выполнения с выделением пяти групп, последовательность описания которых обусловлена сложностью их экспертного распознавания (от простого — к сложному).

К **первой группе** мы относим подписи, выполненные путем скорописной маскировки за счет изменения общих признаков (таких, как состав подписи, наклон, протяженность движений по вертикали и (или) по горизонтали и т.п.), близкой к изменениям скорописного почерка (илл. 1).

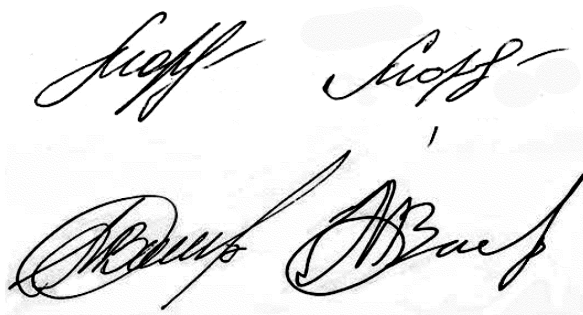

Илл. 1. Слева — подписи без изменений, справа — выполненные с умышленным скорописным изменением⁵

Во **вторую группу** включаем автоподлоги со сменой привычной пишущей руки. Наиболее распространенной и интересной при таком способе намеренного изменения является смена привычно пишущей левой руки на правую (илл. 2–3).

Илл. 2. Слева — подписи, выполненные природными левшами привычной левой рукой, справа — выполненные не привычной правой рукой левшами с навыком письма правой рукой

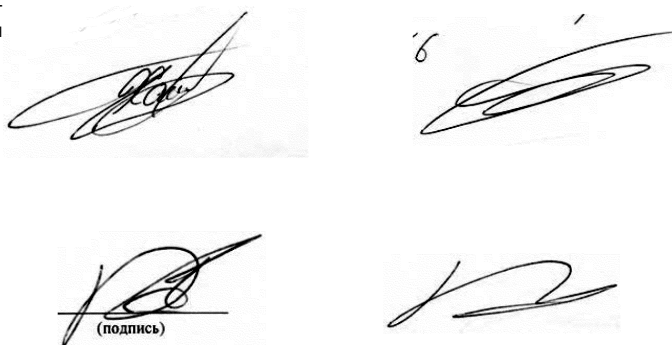
Илл. 3. Слева — подписи, выполненные природными левшами привычной левой рукой, справа — не привычной правой рукой левшами без практики письма правой рукой

К **третьей группе** отнесены автоподлоги, в которых намеренное изменение осуществляется за счет выполнения на документе подписи «старого образца», отличающегося от нового, привычного в данный период времени варианта (илл. 4–5).

Появление «новых подписей» у исполнителей может происходить в силу различных причин. Например, при смене фамилии (преимущественно у женщин) в связи с вступлением в брак, разводом и другими подобными обстоятельствами, в связи с психофизиологическими изменениями или и с особенностями развития личности в социуме. В результате в новых вариантах подписей происходит изменение ее состава — полностью или отдельных частей.

Илл. 4. Подписи женщин: слева — до смены, справа — после смены фамилии

Илл. 5. Подписи мужчин: слева — более ранние, справа — более поздние

Четвертая группа охватывает подписи, выполненные в условиях ситуационного автоподлога (илл. 6)⁶.

Илл. 6. Слева — личные подписи исполнителей, справа — подписи, полученные в результате эксперимента, когда ставилась задача ситуационно быстро изменить свои подписи⁷

В пятую группу вошли подписи, выполненные в условиях интеллектуального автоподлога.

Рассматривая проявление признаков автоподлога в каждой из перечисленных групп, можно сделать следующие выводы.

В автоподлогах первой группы различающиеся общие признаки легко распознаваемы, а в сопоставимых элементах сохраняется, как правило, комплекс совпадающих частных признаков. В экспериментальных образцах при правильно поставленной задаче можно получить аналогичные изменения, что в дальнейшем позволит эксперту прийти к более определенному, положительному выводу.

Для распознавания автоподлогов, выполненных путем смены привычно пишущей руки, отнесенных ко второй группе, необходимо знать историю их появления.

Обучение привычному леворучному письму стало возможным в нашей стране в 80-е годы прошлого столетия, что привело в 90-е годы к появлению привычного леворучного письма и подписей, выполненных левшами привычной левой рукой. Поэтому способ намеренного изменения почерка и подписи за счет смены привычно пишущей левой руки на правую ранее в криминалистической литературе не рассматривался.

Работа по изучению образцов почерка и подписей природных левшей, которые в процессе эксперимента пытались выполнять рукописные тексты и подписи как привычной левой рукой, так и со сменой привычно пишущей левой руки на правую, показала, что 10% из них владеют письмом как левой, так и правой рукой⁸. Эти природные левши могли выполнять свои подписи свободно левой и правой рукой. При выполнении подписей остальными левшами выяснилось, что подписи, исполненные ими правой рукой, содержали признаки необычного выполнения, но были аналогичными по составу.

Случаи автоподлогов, выполненных с намеренным изменением путем смены привычной правой руки на левую, известны практикам, но их число невелико. Намеренное изменение подписей природными левшами путем смены привычно пишущей руки мало изучены, однако возможность использования такого способа автоподлога реальна, особенно левшами, владеющими письмом левой и правой рукой. В случае последнего варианта автоподлога подписи могут быть похожи на подписи, выполненные другим лицом с подражанием после предварительной тренировки, и выполняются в достаточно высоком темпе.

При автоподлогах, выполненных левшами, не имеющими практики письма правой рукой, при сохранении (сопадении) общих признаков, в подписях наблюдаются: признаки замедленности движений, увеличение протяженности отдельных элементов и отдельные различия по частным признакам. То есть при автоподлоге со сменой привычно пишущей левой руки на правую появляется комплекс признаков, близкий к комплексу признаков, выявляемых при

исследовании подписей, исполненных с подражанием подлинным подписям. Поэтому эксперту следует уточнять, какой рукой привычно пишет лицо, от имени которого выполнена подпись. В случае версии о смене пишущей руки необходимо запрашивать образцы подписей, выполненные правой и левой рукой.

При распознавании подписей третьей группы эксперту надо знать о возможных изменениях подписи конкретного лица с течением времени и исследовать, как минимум, свободные образцы личных подписей данного исполнителя, выполненных на документах различных временных периодов с достаточно большим интервалом. Надо учитывать, что автоподлог путем выполнения подписей «старого образца» будет отличаться от других вариантов автоподлогов по числу и составу элементов в подписях, а иногда — и по рисунку в целом. То есть различия будут очевидны, но возможность получения сопоставимых образцов может отсутствовать. Установление такого способа автоподлога, как правило, предопределяет невозможность решения экспертной идентификационной задачи из-за несопоставимости исследуемого объекта и образцов.

К подписям, выполненным в условиях автоподлога четвертой группы, относятся традиционно сложившиеся, которые можно условно назвать по характеру их формирования «ситуационными» — намеренно измененные подписи, выполненные на документах в присутствии других лиц (как правило, видевших подпись исполнителя ранее). Часто такого рода подписи выполняются злоумышленниками либо лицами, находящимися под воздействием различных психологических факторов (угрозы физической расправы, психического насилия и т.п.), быстро, публично, с намерением впоследствии не признавать их своими.

Подписи, выполненные таким образом, характеризуются: сочетанием относительно высокого темпа выполнения с выполнением отдельных фрагментов в замедленном темпе; сходством по составу элементов с подлинными подписями и наличием различий по «броским» частным признакам. В начальной части подписи чаще изменяется состав — исчезают отдельные буквы или знаки, появляются дополнительные элементы, буквы. Иногда изменяется размещение точки начала движений (при этом их пропорции остаются без изменений). При выполнении росчерков изменяются: место их размещения (например, из подстрочного росчерк становится надстрочным); количество движений (уменьшается / увеличивается) или их протяженность.

Достаточно подробно признаки автоподлога были указаны в методическом пособии для экспертов системы судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ⁹. Но сегодня некоторые рекомендации, на наш взгляд, требуют переосмысления с проведением исследований на более широком экспериментальном материале.

В случае исследования автоподлогов, отнесенных к пятой группе, варианты изменений в подписи формируются заранее (зачастую в процессе подготовки противоправных действий), когда предполагается выполнение такого варианта подписи в присутствии других лиц. Как правило, в этот вариант «личной подписи» вносятся изменения по двум-трем частным признакам. В результате появляется вариант подписи, который всегда будет отличаться от свободных, условно-свободных и экспериментальных образцов личных подписей данного лица по нескольким существенным и устойчивым частным признакам. Распознавание такого автоподлога является очень сложной экспертной задачей, так как выявленные различия по частным признакам существенны и будут носить при сравнении со всеми образцами устойчивый характер. Важно при экспертном исследовании такого автоподлога дать правильную оценку комплексу выявленных совпадающих и различающихся признаков,

что не позволит прийти к ошибочному отрицательному выводу.

В заключение необходимо подчеркнуть, что наиболее характерными для намеренно измененных подписей являются:

- различный темп выполнения отдельных фрагментов подписи;
- различия по «броским» частным признакам при совпадении большинства общих и частных признаков.

Важно помнить, что при естественных изменениях подписи исполнителя, связанных с необычными условиями выполнения или его состоянием, а также при исполнении подписи с подражанием подписи другого лица, как правило, наблюдаются совпадения по «броским» частным признакам, в то время как различия по «броским» частным признакам закономерны именно для автоподлога.

В результате исследования подписей, исполненных измененным почерком с целью маскировки (путем автоподлога), после оценки выявленных общих, частных идентификационных и диагностических признаков эксперт, согласно методике, формулирует вывод о невозможности решения вопроса об исполнителе подписи. Аргументация и доводы о способе фальсификации исследуемой подписи путем автоподлога остаются в исследовательской части заключения.

Как показывает практика, в судебных заседаниях зачитываются и обсуждаются только выводы эксперта. Мы солидарны с Т.В. Аверьяновой, которая полагает, что «именно синтезирующая часть заключения эксперта будет способствовать, на наш взгляд, формированию внутреннего убеждения как эксперта (экспертов), производящего исследования, так и следователя (суда) при оценке им заключения эксперта, а также препятствовать последнему выносить ошибочные суждения и отвергать (или принимать) без достаточных оснований выводы эксперта»¹⁰.

К сожалению, судебная практика идет по пути анализа исключительно выводов эксперта, к тому же — только категорических. Если эксперт указывает, что ответить на поставленные вопросы не представляется возможным, независимо от причин, такое заключение эксперта суд во внимание не принимает. Несмотря на то что процесс доказывания предполагает изучение всех сведений, имеющих значение для дела, мы наблюдаем игнорирование судами заключений экспертов не только тогда, когда ответить на вопросы не представилось возможным, но и с выводами, выраженными в вероятной форме.

Это значит, что сложности экспертного распознавания квалифицированной фальсификации документов с использованием автоподлогов, увеличивая число экспертных ошибок, могут послужить основанием для принятия ошибочных процессуальных решений. Если эксперт установил возможность автоподлога, традиционно сложившееся отрицательное отношение судов к неопределенным выводам не позволяет влиять на судебные решения по существу вопроса. Между тем фальсификация документов путем автоподлога прямо указывает на подготовку к совершению преступления либо свидетельствует о стремлении обмануть следствие и (или) суд.

Изменить ситуацию, на наш взгляд, может проведение углубленных исследований автоподлогов, обновление общей методической базы судебного почерковедения и, возможно, расширение градаций вероятных выводов экспертов, что характерно для судебных систем других стран.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. М.: Норма, 2006. 480 с.

2. Иванов Н.А. Компьютерные технологии подделки рукописных почерка и подписей / Н.А. Иванов // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 5–7.
3. Исследование подписей, выполненных в необычных условиях : метод. пособие для экспертов / Министерство юстиции Российской Федерации. Рос. федер. центр судеб. экспертизы ; подгот.: В.Ф. Орлова, А.В. Смирнов. М. : Рос. федер. центр судеб. экспертизы (РФЦЭС), 2002. 215 с.
4. Пахомов А.В. Судебно-экспертное исследование современной подписи : учеб. пособие / А.В. Пахомов, Л.А. Сысоева. М. : ЭКЦ МВД России, 2007. 57 с.
5. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование рукописных текстов / под общ. ред. В.Ф. Орловой. М. : Наука, 2007. 340 с.
6. Сысоева Л.А. К вопросу о решении диагностических задач при исследовании почерка и подписи / Л.А. Сысоева // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы V Международной научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе. М., 2011. С. 475–481.
7. Сысоева Л.А. Особенности исследования «русской подписи» / Л.А. Сысоева / Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 29–32.
8. Томилин В.В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма / В.В. Томилин. М. : Медицина, 1974. 255 с.

¹ Подробно см.: Сысоева Л.А. Особенности исследования «русской подписи» / Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 29–32.

² Томилин В.В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М. : Медицина, 1974. С. 53.

³ Там же. С. 54.

⁴ О признаках, характеризующих изменение почерка скорописным способом, подробно см.: Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование рукописных текстов / под общ. ред. В.Ф. Орловой. М. : Наука, 2007. С. 116–158.

⁵ На иллюстрации приведены образцы подписей, выполненных курсантами Санкт-Петербургского университета МВД России (факультет подготовки оперативных работников, группа экспертов-криминалистов) в ходе эксперимента, проведенного по инициативе автора статьи.

⁶ По данному вопросу см.: Сысоева Л.А. К вопросу о решении диагностических задач при исследовании почерка и подписи // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы V Международной научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе. М., 2011. С. 475–481.

⁷ На иллюстрации приведены образцы подписей, выполненных курсантами Санкт-Петербургского университета МВД России (факультет подготовки оперативных работников, группа экспертов-криминалистов) в ходе эксперимента, проведенного по инициативе автора статьи.

⁸ Пахомов А.В., Сысоева Л.А. Судебно-экспертное исследование современной подписи : учеб. пособие. М. : ЭКЦ МВД России, 2007. С. 33.

⁹ Исследование подписей, выполненных в необычных условиях : метод. пособие для экспертов / Министерство юстиции Российской Федерации. Рос. федер. центр судеб. Экспертизы ; подгот.: В.Ф. Орлова, А.В. Смирнов. М. : Рос. федер. центр судеб. экспертизы (РФЦЭС), 2002. С. 56–65.

¹⁰ Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма, 2006. С. 447.

Оскорбление в речевой коммуникации*

Фролова Ольга Евгеньевна,
заведующая лабораторией фонетики и речевой коммуникации
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор филологических наук
olga_frolova@list.ru

В статье рассматривается оскорбление в речевой коммуникации в аспекте лингвистической экспертизы речи и текста. Сопоставлены толкования значений юридического термина «оскорбление» и совпадающего с ним слова общелитературного языка. Анализ специальных и толковых словарей показывает, что с юридической точки зрения понятие «оскорбление» уже, чем с бытовой. Проанализировано употребление глаголов «оскорбить» и «оскорбиться» в Национальном корпусе русского языка. Описаны адресатная и представительская модели речевого оскорбления.

Ключевые слова: оскорбление, негативная оценка, унижение, модель ситуации, речевая цель, неприличная форма.

The article reviews insult in oral communication from the standpoint of linguistic speech and text examination; matches interpretations of definitions of the legal "insult" term and the same word in the common literary language. Analysis of special and explanatory dictionaries shows that the "insult" notion is narrower from the legal point of view as compared to common one. The author analyzes usage of the verbs "to insult" and "to feel insulted" in the Russian National Corpus, describes the addressee and representative model of a speech insult.

Key words: insult, negative evaluation, humiliation, situational pattern, speech aim, indecent form.

При подготовке статьи была поставлена цель — проанализировать оскорбление в речевой коммуникации, а также определены задачи, которые необходимо решить: 1) привести и сравнить толкования слова «оскорбление» в законодательстве, специальных юридических и толковых словарях; 2) проанализировать употребление в речи глагола «оскорбить» на материале Национального корпуса русского языка; 3) предложить модель ситуации оскорбления в речевой коммуникации.

Юридический термин «оскорбление» совпадает со словом общелитературного языка, поэтому возникает вопрос: каковы сходства и различия в их значениях?

В Большом юридическом словаре представлена развернутая дефиниция термина «оскорбление» как преступления, заключающегося в унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме. Оскорбление бывает устным, письменным, деятельным (пошечина, непристойный жест и т.д.), публичным либо в отсутствие потерпевшего. В отличие от клеветы при оскорблении не сообщается каких-либо позорящих потерпевшего сведений, а дается отрицательная оценка его личности, качеств, поведения, причем в грубой форме¹.

С принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ ст. 130 УК РФ «Оскорбление» утратила силу. Сегодня правовое основание дел об оскорблении определяется ст. 5.61 КоАП РФ, в которой ключевое понятие толкуется как унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

Нас интересует оскорбление в речевой коммуникации. Обратимся к толковым словарям русского языка.

Существительное «оскорбление» образовано от глагола, значение которого обнаруживает различия в словарях XIX и XX вв.

Так, у В.И. Даля «оскорбить» означает «обидеть, огорчить, опечалить и раздражить словом или делом; нападать на кого, судить кого-либо неправо, кривосудом... Оскорбить, наказывать устно... быть оскорбляемому; обижаться, огорчаться, негодовать на то, что считаешь неправдой, обидой»². Даль подчеркивает то, что обида вызвана чьими-либо

несправедливыми оценкой или суждением. Об этом свидетельствуют слова в толковании «неправо», «кривосудом».

В словаре Д.Н. Ушакова приводится такое объяснение: «Крайне унижить, обидеть, причинить моральный ущерб, боль кому-чему-нибудь»³. В Словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой и в Большом толковом словаре русского языка содержатся тождественные дефиниции: «крайне обидеть, унижить кого-л., уязвить, задеть в ком-либо какие-либо чувства... Осквернить, унижить чем-либо неподобающим»⁴. В словаре Д.Н. Ушакова указаны чрезвычайно важные понятия, не представленные в более поздних словарях, — «моральный ущерб» и «боль». Сходство толкований во всех трех словарях заключается в наличии слов «обидеть» и «унизить».

Чтобы прояснить дефиницию значения слова «оскорбить», нам следует проанализировать глагол, к которому в толковании прибегают все три вышеуказанных словаря.

Сложный по семантике глагол «обидеть» объясняется через однокоренное существительное: «1. Причинить, нанести обиду кому-либо ... 2. Разг. Нанести ущерб кому-либо в делах, обмануть. 3. чем. Разг. Наделить чем-либо недостаточно; обделить»⁵.

Если же мы обратимся к слову «обида», то обнаружим в словарях следующее: «Оскорбление, огорчение, причиненное кому-либо несправедливо, незаслуженно; чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением»⁶. Надо признать, что в этом случае мы сталкиваемся с некорректным толкованием, поскольку «оскорбление» толкуется через «обиду», а «обида» — через «оскорбление». Подобное явление называется «семантическим кругом». Тем не менее важно отметить, что в зоне толкования слова «обида» вновь появляется понятие несправедливости, упомянутое еще В.И. Далем.

Понятие, которое обнаруживается в словарях XX в. и объединяет специальное и неспециальные толкования значения существительного «оскорбление», — «унижение». Можно сделать вывод: объективной стороной оскорбления является унижение, а субъективной — обида, воспринимаемая пострадавшим как моральный вред.

* Insult in Oral Communication

Frolova Olga E., Head of the Laboratory of Phonetics and Oral Communication of the Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU), Doctor of Philology

Некоторые методические решения по проведению лингвистической экспертизы оскорбления предложены в работе Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой, в которой авторы обращают внимание на общий компонент значения слова и юридического термина — унижение: «Ключевым... является понятие “унизительная оценка лица”, рассматриваемое как особый вид оценочного суждения»⁷. Описаны семь моделей, выражающих специфическую унижающую оценку лица: «Ты — X, где X — слово с негативно-оценочным значением» (1); «X, делай нечто, где X — оскорбительное обращение» (2); «Ты похож на X (как X)» (3); «Он — X» (4); «Все вы X (Они все X), где вы (они) — коллективный адресат» (5); «Я — X, где Я — адресат» (6); «Ты (вы, он, они) V, где V — это глагол с негативно-оценочным значением» (7)⁸.

На наш взгляд, количество моделей можно сократить до четырех, оставив: «Я, ты, он, она, вы, они, все они, все вы — X, где X — слово с негативно-оценочным значением» (1); «X, делай нечто, где X — оскорбительное обращение» (2); «Ты похож на X (как X)» (3); «Ты (вы, он, они) V, где V — это глагол с негативно-оценочным значением» (4).

Поскольку намерение оскорбить кого-либо не выражается прямо, а глаголы «оскорблять», «оскорбить» выступают в речи как констатация, в практике проведения лингвистической экспертизы чрезвычайно важно выявить цель говорящего. Замена интерпретации цели говорящего описанием единиц, словосочетаний или фрагментов текста, содержащих негативную информацию, нивелирует семантический анализ и, по сути, является шагом назад от анализа реальных высказываний к чтению толковых словарей.

Термин «неприличная форма» юристы ввели в законодательство, но не определили, поскольку данный термин отсутствует в юридических словарях и не объяснен в КоАП РФ. Среди специалистов по лингвистической экспертизе есть разночтения в его понимании.

Например, И.Б. Левонтина предлагает широкое понимание термина: «Форма высказывания неприлична, если там употребляются бранные, в особенности матерные слова и выражения, а также иная обсценная лексика (слова, фонетически близкие к матерным и отсылающие к ним, некоторые слова тюремного жаргона, иные стилистически сниженные слова негативно-оценочной семантики). В словарях такие слова отмечаются как бранные, обсценные, неприличные, непристойные. Публичное использование такого слова — это сквернословие. Кроме того, неприличны по форме высказывания, где негативная оценка человека выражается со ссылкой на интимную сферу (половые органы, сексуальные отношения, физиологические отправления и т.п.), даже если эта ссылка делается без бранных слов»⁹.

В то же время И.А. Стернин придерживается более узкой трактовки: «В юридическом смысле понятие неприличная языковая форма — это наличие высказываний в адрес истца, содержащих именно непристойную лексику и фразеологию, то есть нецензурные слова и выражения, которые грубо оскорбляют общественную мораль, грубо нарушают нормы общественных приличий. Грубая же, сниженная лексика “юридически” не входит в понятие “неприличной формы выражения”. <...> К нецензурной лексике и фразеологии относится в современном русском языке строго ограниченное количество языковых единиц — четыре и их многочисленные производные»¹⁰.

Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова полагают, что неприличную форму «обеспечивают»: 1) матизмы и 2) вульгаризмы, касающиеся тематики телесного низа, представляющие сексуальную и экскреторную лексику¹¹.

Теперь проследим, каким образом глагол «оскорбить» употребляется в речи. Для этого обратимся к Национальному корпусу русского языка (далее — Корпус)¹². Поскольку нас интересует современная речевая коммуникация, в окне поиска были заданы временные рамки 2000–2017 гг. Глагол «оскорбить» встречается в 540 текстах и в 897 контекстах.

Полученные результаты позволяют прояснить ситуацию оскорбления.

Если следовать за логикой языка, грамматические связи глагола «оскорбить» описываются следующим образом: «кто-то оскорбил кого-либо чем-либо». Исходя из этого, мы получаем модель, в которой два участника: участник 1 наносит оскорбление; участник 2 — адресат, ему нанесено оскорбление; компонент 3 — предмет речи, который служит содержанием оскорбления и лингвистически представляет собой развернутое высказывание или слово, являющееся компрессированным высказыванием.

Если участник 2 выступает как субъект оскорбительного высказывания, компонент 3 обращен непосредственно к участнику 2, а подлежащее выражено местоимениями «ты», «вы». Это модель с непосредственным адресатом. Если же предмет оскорбления выражен в 3-м лице — «он», «она», «они», то это модель с опосредованным адресатом, не совпадающим со слушателем или участником 2.

Материал Корпуса показывает, что участник 2 может быть индивидуальным или коллективным (см. ниже примеры 1, 2).

(1) *Вот, глядите, вы оскорбили меня, я все готов простить и сам упрощаю не совершать роковой ошибки* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001].

(2) *Два бывших мхатовских автора действительно не могут поступиться принципами. Их оскорбил ефремовский портрет (вернее, фрагмент портрета, поскольку книги моей, в которой Ефремов — один из главных героев, мои оппоненты не читали). Два Михаила обиделись...* [Когда разгуляет-ся // Известия. 2001].

Ситуация оскорбления может быть устроена сложнее, поскольку участник 2 осознает себя как причастный к некоей общности и говорит об оскорблении, нанесенном не лично ему, а группе людей (пример 3). В примере 4 говорящий оскорблен за человека, отсутствующего в ситуации общения, т.е. таким участником «за кадром» являются воспоминания или представления об умершем. Наконец, в примере 5 говорящий полагает, что адресатом оскорбления становится вся страна.

(3) *Он оскорбил человека! Он оскорбил конференцию!* [Сергей Носов. Фигурные скобки (2015)].

(4) *Это не может оскорбить ни памяти умершего, ни чувств собравшихся.* [Евгения Власова. Дети и смерть // Домовой. 2002].

(5) *Так могут ли быть счастливы россияне, если видят, что их Родина “унижена и оскорблена”?* [Максим Кузин. Красные пути. Об альманахе «Красные холмы» // Октябрь. 2001].

Для интерпретации оскорбления важно учитывать особенности коллективного адресата, который конструируется либо говорящим (участник 1), либо адресатом (участник 2). Во-первых, участник 1 может прибегнуть к обобщению, употребляя местоимения «весь», «каждый», «всякий», «любой», говоря обо всех представителях группы или класса. В этом случае он отказывается дифференцировать представителей какой-либо нации, социальной группы или профессии. Во-вторых, участник 2 в своей реакции на какой-либо текст сам причисляет себя к некоей общности и ощущает моральный вред, нанесенный не ему лично, а этой общности или социальной группе. В этом случае адресат сам отказывается от признания разнообразия в составе социальной группы, и чувствует эмпатию к стране, нации, профессиональной общине и т.д.

Приведенные выше примеры показывают другую модель оскорбления, описываемую конструкцией «кто-либо оскорблен за кого-либо чем-либо». В этой модели другой состав участников: присутствуют участник 1, который наносит оскорбление; участник 3 — адресат, которому нанесено оскорбление, но не обязательно представленный в ситуации; участник 2, который выступает в качестве полноценного представителя адресата; компонент 4, представляющий собой оскорбительное высказывание. В данном случае

участник 2 не является субъектом оскорбительного высказывания. Такую модель ситуации оскорбления можно назвать «представительской».

Промежуточный случай представляет модель, выраженная конструкцией с предложением «оскорбиться за кого-либо», оформленная как представительская, но по содержанию отличная от нее. Речь идет о высказываниях, предметом которых являются родные и близкие адресата. В таком случае правомерно оскорбиться за мать или отца.

(6) *Сын оскорбился за мать* [Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)].

(7) *Ты вспылила, оскорбившись за мужа, наговорила отцу горьких несправедливых слов* [Павел Сиркес. Труба исхода (1990–1999)].

(8) *Николай... страшно оскорбился за отца и возмутился «бесчеловечным» распоряжением* [А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)].

Теперь посмотрим, что может составлять содержание оскорбительного высказывания. Как видим, предмет оскорбления связан с субъективным характером восприятия участника 2, испытывающего обиду. Речь может идти о восприятии книги, посвященной режиссеру, в которой последний был показан некорректно, с точки зрения читателей (пример 2); о шутке (пример 9) или намеке (пример 10).

(9) *Но, конечно же, существуют какие-то границы, за которыми шутка уже может обидеть, оскорбить*. [Вы над собой смеяться не боитесь? (2002) // Дело (Самара). 2002].

(10) *Пьяная баба оскорбила ее случайным намеком*. [Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)].

Оскорбление может быть намеренным и непреднамеренным.

Наконец обратимся к прояснению цели (намерения) участника 1 или говорящего, который наносит оскорбление.

Поиск в Корпусе для периода 2000–2017 гг. предложений с подлежащим, выраженным местоимением «я», и сказуемым, выраженным глаголами «оскорбить», «оскорблять», дает такие результаты: с первым глаголом — 14 документов и 14 контекстов, а со вторым — 9 документов и 10 контекстов. Анализ контекстов показывает, что предложения оформлены как вопрос, пересказ чужого мнения, сообщение о речевом действии в прошедшем времени. В Корпусе мы обнаружили только два предложения в будущем времени со сказуемым, выраженным глаголом «оскорбить», и одно предложение с глаголом «оскорблять» в настоящем времени.

(11) *Я должен знать, что не Бога я оскорблю своей дурной мыслью, а нарушу закон, реальный, объективный, закон моего бытия* [А.И. Осипов. О страданиях невинных или За что страдают дети (1992–2012)].

(12) *Мне кажется, я просто оскорблю какое-то животное, если скажу, что у нас с ним много общего* [Эльвира Савкина. Свою жизнь я считаю примером для подражания (2002) // Дело (Самара). 2002].

(13) *Мы не только различны, но и удивительно схожи. Если я чем-то на тебя не похож, я этим не оскорбляю тебя, а, напротив, одобряю* [Лев Животовский. Мы не только различны, но и удивительно схожи // Наука и жизнь. 2006]¹³.

Существенное уменьшение количества примеров с подлежащим, выраженным местоимением «я», и сказуемым в настоящем и будущем времени объясняется тем, что язык налагает запрет на формулировку намерения оскорбить кого-либо. Подобным образом работает запрет на сказуемое, выраженное глаголом «лгать». Предложение «я лгу, что...» аномально.

В русле наших размышлений о затрудненности прямой формулировки намерения оскорбить странным представляется пример 14 о необходимости грубо обидеть кого-то. Скорее, глагол может быть интерпретирован как «наказать», «проучить».

(14) *А Алекса надо бы оскорбить, скорее всего петух он гамбургский, нечистоплотен финансово, и как все ворье прикрывается словами о великой России* [Коллективный. Мистер Рейтинг (2015)].

Бытовое понимание оскорбления значительно шире, чем юридическое. Сопоставляя их, приходим к выводу, что бытовой и юридический подходы объединяет неравенство участников ситуации, которое выражается в унижении. Различие заключается в том, что юридическое толкование термина включает понятие «неприличная форма», которое не определено в нормативных правовых актах и по-разному интерпретируется лингвистами.

Вышеизложенное диктует определенные правила производства лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Не следует опираться на обиду участника 2 (адресата), поскольку она индивидуальна. Исследование должно объективизировать факт оскорбления. Для этого следует учитывать публичность ситуации, реконструировать намерения участника 1 и обнаружить наличие «унижающей оценки».

«Адресатная» и «представительская» модели ситуации оскорбления позволяют определить, насколько слушающий является предметом негативной оценки. Или адресат высказывания, следуя эмпатии, полагает, что моральный вред причинен не ему и его близким, а некой общности, к которой он себя причисляет.

Список литературы

1. Изотова Т.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: научно-информационное пособие для экспертов / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 89 с.
2. Колоколов Н.А. Клевета и оскорбление: уголовная политика последних лет / Н.А. Колоколов // Мировая судья. 2008. № 2. С. 29–32.
3. Левонтина И.Б. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке / И.Б. Левонтина // Отечественные записки. 2014. № 6 (63). С. 115–128.
4. Санников А.В. Понятия достоинства и смирения // Языковая картина мира и системная лексикография / А.В. Санников; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 405–468.
5. Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста / И.А. Стернин // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 387–398.

¹ URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law15.php (дата обращения: 24.08.2017).

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1903–1909. Т. 2. Стлб. 1807.

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М.: ТЕПРА—TERRA, 1996. Т. 2. Стлб. 866.

⁴ Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2. С. 647; Большой толковый словарь русского языка / под ред. А.С. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002. С. 729.

⁵ Большой толковый словарь русского языка / под ред. А.С. Кузнецова. С. 668.

⁶ Там же. С. 668.

⁷ Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. С. 12.

⁸ Там же. С. 26–28.

⁹ Левонтина И.Б. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // Отечественные записки. 2014. № 6 (63). С. 115–128.

¹⁰ Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста / И.А. Стернин // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 387–398.

¹¹ Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Указ. соч. С. 49.

¹² URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 24.08.2017).

¹³ Там же.

ИНТЕРВЬЮ

Американская ассоциация полиграфологов (*American polygraph association*, далее — АРА) была создана в 1966 г. и в настоящий момент насчитывает около 3000 членов из США и других стран мира. Ежегодно АРА проводит обучающие семинары для полиграфологов, как являющихся членами АРА, так и не состоящих в ассоциации. Очередной, 52-й семинар прошел 27 августа — 1 сентября 2017 г. в г. Лас-Вегас (Невада, США).

Представляем вниманию читателей интервью с одним из спикеров — доцентом кафедры криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главным редактором федерального научно-практического журнала «Эксперт-криминалист» кандидатом юридических наук, доцентом Я.В. Комиссаровой (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА): [сайт]. URL: <http://www.msal.ru/news/komissarova-yaroslava-prinyala-uchastie-v-52-om-ezhegodnom-seminare-amerikanskoj-assotsiatsii-poligr/>).

— Ярослава Владимировна, полиграфологи из России не в первый раз принимают участие в работе ежегодных семинаров Американской ассоциации полиграфологов. Почему 52-й семинар АРА для российских специалистов можно считать знаковым?

— Дело в том, что формат семинаров АРА отличается от привычных для нас форматов международной конференции и курсов повышения квалификации.

Принцип организации семинаров заключается в том, что в качестве спикеров привлекают исключительно членов АРА.

Стать членом ассоциации может только тот, кто прошел обучение в США по стандартам АРА.

Все члены ассоциации обязаны проходить каждые два года повышение квалификации общим объемом 30 часов. Часы набирают за счет прослушивания лекций, внесенных в программу семинаров, и прохождения дополнительных курсов повышения квалификации, которые организуют АРА (совместно с местными ассоциациями) и аккредитованные в АРА школы.

Программа семинара АРА формируется заблаговременно. Наша заявка на выступление была утверждена Президентом ассоциации Дж. Патриком О'Бёрком в конце прошлого года.

Таким образом, мы не просто приветствовали зарубежных коллег с трибуны — организаторами семинара АРА российский опыт использования полиграфа в доказывании по уголовным делам был признан значимым для повышения квалификации полиграфологов разных стран мира.

— За российских полиграфологов можно только порадоваться! Расскажите, пожалуйста, как проходят семинары?

— Семинар традиционно проводится в последние дни августа — начале сентября. Программа первого дня работы включает 1–2 лекции и фуршет, который представляет собой дружескую, отчасти неофициальную встречу участников и гостей семинара АРА.

В восемь утра понедельника проходит торжественная церемония открытия семинара АРА. Она длится около часа. Поднимают флаг, звучит гимн США, члены ассоциации произносят клятву верности принципам АРА. Кстати, гимн а капелла исполняет один из сотрудников правоохранительных органов города, принимающего мероприятие. Затем дают слово для доклада ветерану ассоциации либо другому человеку, имеющему заслуги перед США. В этом году выступил Джеймс МакКлюэн, в июле с.г. получивший из рук Президента США высшую военную награду США — «Медаль Почета» за спасение жизни членов роты почти 50 лет назад во Вьетнаме. Его сын был избран Президентом АРА на 2017/2018 г.

С понедельника по четверг проводится активная работа. Сразу в трех аудиториях с 8 до 17 часов одновременно идут лекции. Участники семинара АРА сами решают, какие

из них посетить. Вечером в четверг проходит торжественный ужин и вручение наград АРА.

Кстати, в 2016 г. (первым из россиян) мой содокладчик Саид Хамзин был удостоен престижной награды David L. Motsinger Horizon Award, которую ежегодно вручают в качестве признания заслуг одному из специалистов, продемонстрировавших высокий профессионализм в начале своей карьеры (менее 10 лет). В настоящее время он является членом Комитета по этике и жалобам АРА (member of the Ethics and Grievance Committee of the American Polygraph Association).

В пятницу работа продолжается до 15 часов, затем проходит короткая церемония закрытия семинара АРА. Правда, с вечера четверга его участники начинают разъезжаться. Если к началу семинара в Лас-Вегас прибыли около 900 человек, то на церемонию закрытия пришли менее 50 человек.

— Как формируется программа семинаров?

— В понедельник — четверг идут лекции, рассчитанные, если можно так выразиться, на «массового потребителя». Поднимают темы, востребованные большинством участников. Как правило, они касаются составления тестов и обработки результатов тестирования на полиграфе.

Порядок подготовки полиграфологов в разных странах мира различается.

В региональных школах США, которые готовят кадры для работы на местном уровне, курс обучения составляет 400 часов. Для работы такой школы требуется лицензия (разрешение) органов образования штата. Аналогичным образом обстоят дела и на федеральном уровне.

В России образовательная деятельность, как известно, лицензируется. Поэтому еще в 2001 г. были разработаны требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов», а в 2004 г. — требования, необходимые для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа». Сегодня все отечественные «школы» подготовки полиграфологов имеют лицензию на ведение образовательной деятельности, хотя, как и в других странах, качество подготовки различается.

Поэтому тот материал, которые озвучивают лекторы, для одних слушателей может быть знакомым, а для других представлять новизну.

На пятницу планируют выступления, имеющие определенную специфику. Мы рассказывали о практике использования полиграфа в судопроизводстве России, Мануэль Новоа, директор Латиноамериканского института полиграфа, — о работе полиграфологов Колумбии.

С интересной лекцией, достаточно сложной для полиграфологов, далеких от науки, на тему «Why It's Not Lie Detection, But Instead Memory Detection: What Modern Science Says About Credibility Assessment» выступил опытный полиграфолог из США Джон Палматьер, PhD. Он говорил о физиологии мозга и психических процессах, связанных с восприятием, сохранением и воспроизведением человеком информации о каком-либо событии (его деталях).

Стандарты практики АРА, введенные в действие с 1 января 2012 г., предусматривают возможность формулирования выводов по итогам тестирования на полиграфе

следующим образом: «выраженная реакция обнаружена» / «выраженная реакция не обнаружена» (реакции в ответ на заданные полиграфологом вопросы). Однако до сих пор многие американские полиграфологи формулируют выводы в категориях «ложь выявлена» / «ложь не выявлена».

Такой подход неприемлем в России. Мы полагаем, что по результатам исследования полиграфолог формулирует свою (экспертную) версию относительно осведомленности обследуемого лица о случившемся. Он не может судить — выявлена ложь в показаниях обследуемого или нет. Современный уровень развития науки не позволяет пока определять, какой именно информацией владеет человек (или не владеет).

С этой точки зрения лекция Дж. Палматьера показала близость некоторых позиций американских и российских полиграфологов.

Кстати, из 36 спикеров всего трое имели ученую степень — Д. Раскин, Дж. Палматьер, Я.В. Комиссарова. А женщин в числе докладчиков было только двое — ваша коронная слуга и Памела Шоу, соавтор популярного учебника: Krapohl D.J., Shaw P.K. (2015). Fundamentals of Polygraph Practice. San Diego, California: Academic Press, Imprint of Elsevier. Учебник, подписанный авторами, показываю студентам, когда рассказываю о полиграфе.

— Как прошло Ваше выступление? Какие были вопросы к докладчиком?

— Не хочу показаться нескромной, но выступление прошло хорошо. Мы были единственными лекторами, которым по окончании выступления аплодировали.

На лекции присутствовали около 30 человек, в том числе четверо полиграфологов из России (представители ПАО «Северсталь»). По окончании выступления участники семинара АПА из США, Северной Африки, других стран задали семь вопросов. Все они были по существу заявленной темы.

Коллег интересовало: как организована подготовка полиграфологов в России; кто готовит специалистов для федеральных ведомств; какие полиграфы используются в работе (в настоящее время ввоз полиграфов из США в Россию запрещен); принимают ли наши школы на обучение иностранных студентов.

Когда готовились к выступлению, вспомнили слова Исаака Ньютона: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов».

Решили посвятить выступление светлой памяти тех известных в России полиграфологов, кого уже нет с нами: Юрия Константиновича Азарова (КГБ СССР — ФСБ России), Аскольда Марковича Петрова (МВД России), Валерия Алексеевича Варламова (МВД России), Виктора Николаевича Федоренко (КГБ СССР — Госнарконтрль России).

Возможностью достойно представить сообщество российских полиграфологов на самом престижном международном профессиональном форуме мы обязаны своим учителям!

От редакции: в полном объеме текст доклада Комиссаровой Я.В. и Хамзина С.Р. «Практика использования полиграфа в судебных разбирательствах в России и Евразийском регионе» будет опубликован в № 6 за 2017 г. научного журнала «Библиотека криминалиста» (издательство «Юрлитинформ»).